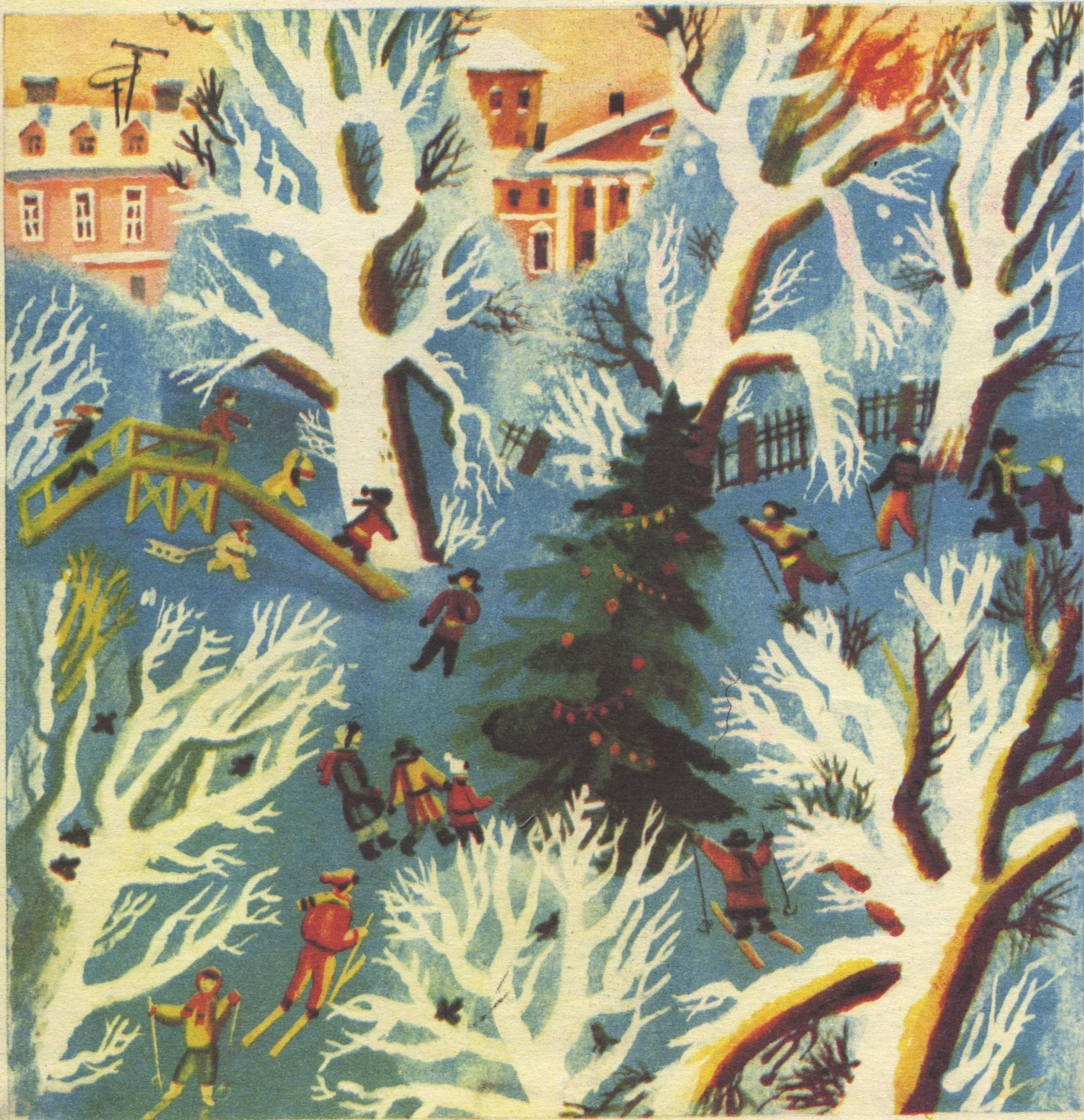

КОСТЁР

ISSN 0130—2574

1

ЯНВАРЬ 1983

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ

1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Серебряная труба рассказ Л. Кузьмина	2
Барабан	8
Снегири повесть В. Пулькина	13
Пароль очерк А. Гостомыслова	21
Пятеро на рiuo Парагвай очерк В. Танасийчука	23
Морская газета	28
Парта стихи Л. Хаустова	31
Школа будущих командиров	32
Блокадный дневник	35
Главный силач республики воспоминания Д. Чеховского	37
Трактат о Бефане — доброй волшебнице сказка Дж. Родари	40
Арчбек	43
Веселый звонок	44
Мастерок	46

На обложке
рисунки Г. Лавренко

КОСТЕР НА БЕРЕГУ ИШИМА

Зимой над тургайской степью свистят бураны. Колючий снег поднимается над землей и летит, летит с огромной скоростью. Становится темно — неба не видно. И нечем дышать.

Зимой чабанам не до сна. Они не отходят от своей отары ни на минуту. В это время на свет появляются маленькие ягнята. Еще мокрые, они еле-еле держатся на ногах. Тут не зевай — хватай ягненка, заворачивай в тряпицу и скорей носи в тепляк, иначе замерзнет.

Эта зима была для чабана Абдрахмана Биргебаева и удачной, и неудачной. Удачной потому, что от 650 овец родилось 953 ягненка. Рекорд! Неудачной же она была потому, что неожиданно заболел его помощник. И Абдрахман остался один на один с отарой.

Вечером, когда ветер немного стих, чабан разглядел за плотной пеленой снега огни своего дома. До него — рукой подать. Он подумал, что, наверно, сейчас жена разливает по пиалам горячий чай с молоком. А дочери уже сделали уроки и теперь сидят за столом, намазывают на хлеб соленое масло и разговаривают. Говорят об отце, о ягнятах, о буране.

Абдрахман заметил, как вдалеке за загородками появилось темное пятно. Оно медленно приближалось. К отаре кто-то шел.

Чабан стал следить за идущим — чего доброго, собьется человек с пути и замерзнет в каком-нибудь километре от жилья.

Но человек шел верно. А когда подошел совсем близко, Абдрахман узнал свою тринадцатилетнюю дочку Клару. Строго спросил:

— Зачем пришла? Буран в степи...

Клара, отряхнув снег, бросилась к ягням:

— Ой, какие хорошенькие! Сейчас я вас молоком напою.

А потом, увидя вопросительный взгляд отца, сказала:

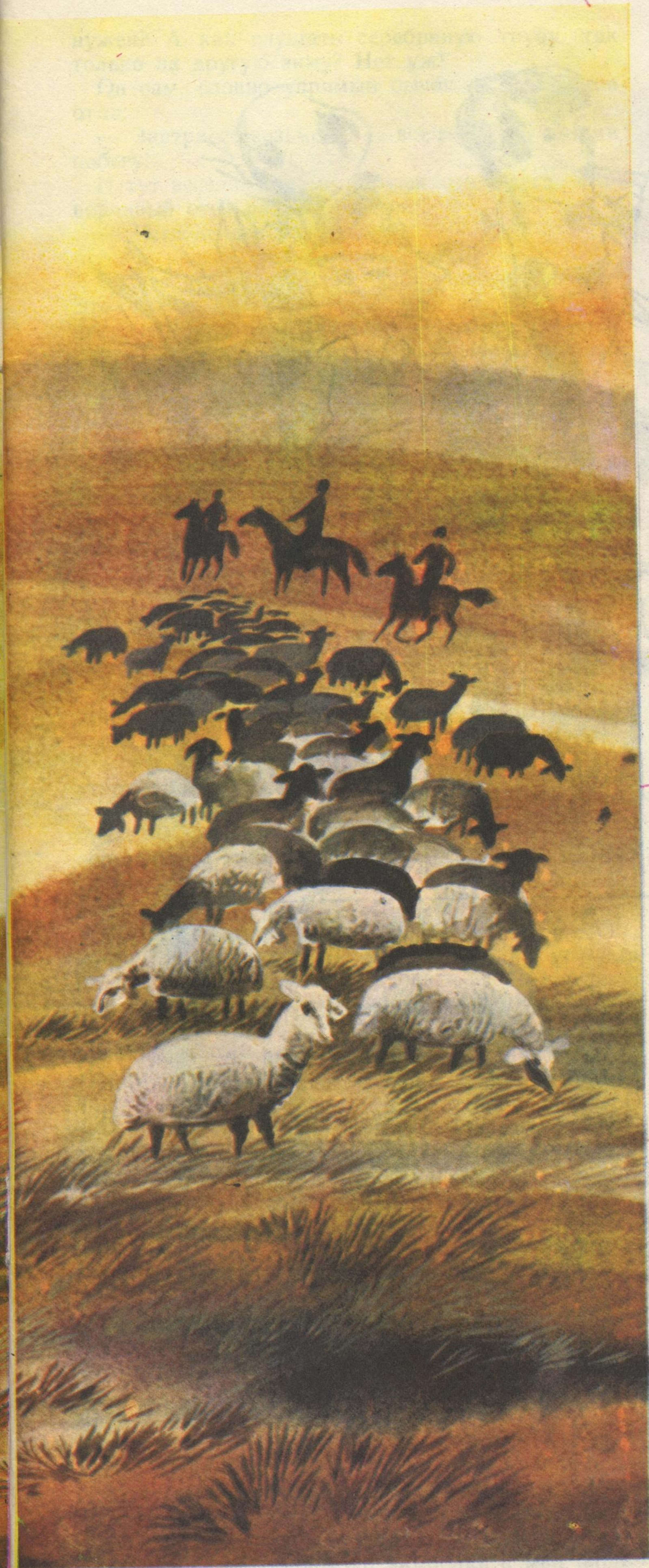
— Ну ты же здесь один. Тебе же надо помочь!..

Этим вечером родился ягненок Китя. Чабан принес его в тепляк и, внимательно осмотрев, хмуро сказал:

— Совсем слабый. Тут не выживет. Домой нести надо.

Клара взяла дрожащего ягненка, завернула в тряпицу и, засунув за пазуху, пошла домой.

Продолжение смотри на стр. 12.

СЕРЕБРЯНАЯ ТРУБА

Лев КУЗЬМИН

РАССКАЗ

Рисунки Б. Аникина

За сумеречным окошком прохрустел снег. Мать живо обернулась к Володьке:

— Девочки с папой! Встречай скорей!

Володька полез из-за стола, а набухшую дверь уже кто-то с той стороны дернул, она крякнула, распахнулась, и в натопленную избу хлынуло белое облако пара.

Облако рассыпалось мигом. И вот у порога стоят, растопыривают смешно в толстых одежках руки, топчут мерзлыми валенками девочки-двойняшки, Володькины сестренки Танюша с Марфушей.

Девочки хохочут. Укутанные так, что и глаз почти не видать, они пищат что-то веселое, а отец тоже тут, он тоже смеется.

Отец стаскивает с себя широченный тулуп. От этого тулупа, от нахолодавших одежек Танюши и Марфуши по всей избе идет зябкая свежесть. И босой Володька переступает с ноги на ногу, ежится, но и ему весело.

Володька вместе с матерью тормозит сестренок, помогает им распутывать платки, почти кричит:

— Вы чему так радуетесь? Ну, чему? Говорите скорей!

А девочки, сказав «Ух!», наконец-то изо всего высвободились, стали тонкими, легкими.

Обе в школьной форме, обе белобрысые, румяные с холода, они запрыгали в чулках по мягким половикам:

— Каникулы, каникулы, каникулы!

Потом объявили:

— Завтра в школе новогодний праздник. Утром папка опять повезет нас в школу. Жанна Олеговна подготовила целый концерт, а Иван Иваныч сыграет на серебряной трубе!

— Ну-у! На серебряной? — изумился Володька. — Тогда, значит, и я поеду.

Отец подхватил Володьку, закружил:

— Брось, брось! На дворе стужа, и ты ведь не школьник. У тебя дома будет свой праздник.

— Мы, Володька, съездим и все тебе расскажем, — поддержали отца сестры.

Танюша добавила:

— Не расстраивайся. На ту зиму подрастешь, возьмем и тебя.

Но Володька из рук отца вывернулся, закричал:

— Ах, так?

Он показал девочкам на все еще лежащие у порога, настывшие, с тусклыми пряжками портфели:

— Ах, так? Бычков с рожками рисовать, ромашки вам в альбомах раскрашивать я, значит,

нужен? А как слушать серебряную трубу, так только на другую зиму? Нет уж!

Он сам, словно упрямый бычок, уставился на отца:

— Завтра не возьмешь — все равно за санями побегу!

И тут веселье в доме нарушилось. Всегда сговорчивый отец развел руками:

— Чего нельзя, того нельзя...

Мать рассердилась по-настоящему:

— Это что за атаман такой у нас объявился? Это что за вольник? Ишь, за санями он наладился... Я тебе налажусь! Я тебе побегу! Валенки спрячу, и никуда ты не денешься. Иди, допивай молоко да марш в постель!

И Володька, зная нрав матери, молоко допил, отправился безо всяких яких в свою постель.

Реветь он, конечно, не стал. Он сам был с характером. Он лишь у себя там принялся вздыхать, пыхтеть, и пыхтел до тех пор, пока жалостливые девочки не пришли к нему шептаться.

Танюша повторила прежнее:

— Мы, честное слово, Володька, тебе все расскажем.

Марфуша утешила тоже:

— В школе после концерта будут раздавать гостинцы, так мы их сбережем для тебя.

Но Володька слушал все это молча, от девочек отворачивался. Лишь спустя время, пробубнил в подушку:

— Не надо никаких гостинцев. Вы лучше как утром проснетесь, так и меня разбудите.

— Разбудить? Зачем? — удивились девочки. — Разве не видишь, что теперь вышло?

— Ничего еще не вышло! — запыхтел Володька опять, и тогда девочки сказали, что ладно, ладно, непременно разбудят.

А потом во всей засыпающей деревне и в избе все притихло по-настоящему, по-ночному. В окошке напротив Володькиной кровати всплыл узенький месяц. И Володька глядел, вспоминал свою давнюю и пока что единственную встречу с ведущим школой, с тем самым учителем Иваном Ивановичем, который собирается завтра играть на серебряной трубе.

В прошлое лето по тропке к дому — совсем как комбайнер с поля! — лихо подкатил на велосипеде загорелый парень в легонькой рубаше, прыгнул на траву рядом с ребятами. Он встал над Володькой, над девочками, которые тут под плетнем сидели на скамейке, болтая ногами, и весело сказал:

— Здравствуйте! Нельзя ли потесниться?

— Можно! — ответили ребята.

Он сел, спросил, сколько кому лет. Когда узнал, что Марфуше с Танюшей почти по семи, то велел им бежать в дом, звать папу или маму. А в кулаке у Володьки увидел рябиновый свисток.

— Ого! Инструмент.

Володька засмеялся, поправил гостя:

— Не инструмент, а свистулька... Папка мне вырезал...

— Отлично вырезал. Но тут нужна еще одна дырка. Разрешаешь?

И в руках гостя, откуда ни возьмись, заблестел

перочинный ножик. Он им быстро ковырнул свисток, поднес к губам, надул щеки, стал длинными пальцами дырки закрывать, открывать. И тот самый свисток, про который мать говорила, что от него лишь звон в ушах да боль в голове, вдруг залился, защелкал, совсем как пичуга на ветке.

— Клю-клю-клю! Чок-чок-чок! У Ер-рошечки в сумке кр-рошечки! — повторил словами птичью песню Володька.

— Точно! — похвалил гость. — Слух у тебя отменный. Можешь сыграть не хуже меня.

Но тут с отцом и матерью прибежали сестренки. И все заговорили, что Танюше с Марфушей в школу записываться пора. Все стали благодарить, мол, спасибо, Иван Иванович, сам сюда для этого заглянул. И только тогда Володька понял, что перед ними никакой не комбайнер, а — учитель.

Потом родители стали приглашать Ивана Ивановича в избу пообедать, но он сказал «Спасибо!», подмигнул Володьке: «Клю-клю-клю!» и уехал.

Больше с Иваном Ивановичем Володька не встречался. Но все равно, хотя рябиновый свисток давно высох, смолк, Володька ту летнюю встречу помнил. Помнил и, крутясь на жаркой подушке, думал теперь: «Какая она у Ивана Ивановича — эта серебряная труба? На что она все-таки похожа? На месяц в нашем окошке, что ли? Про месяц тоже все говорят: серебряный да серебряный...»

И Володька то ли шутя, то ли всерьез, а может, уже в полусне все пробовал до месяца дотянуться. Но каждый раз то корова в хлеву рогами стучала, то сонные сестры за перегородкой начинали бормотать, то кот с лавки прыгивал, — и месяц ускользал на свое законное место.

Наконец Володька уgomонился, нашел щекой на подушке удобную ямку, задремал крепко.

А наутро вскочил — в окошке синь, солнце, в избе тишина.

Сорвался Володька с кровати, заглянул в другую комнату.

В комнате на столе попискивает самовар, под столом умывается кот. И — все! И больше никого! Больше нигде ни единой живой душеньки...

Володька ударил в дверь, вылетел на крыльцо.

А там — на дворе мороз и яркие от инея березы. По снежному полю за околицей уходит по накатанной дороге гнедая лошадь с санями, полными седоков. И ясно, что седоки — это отец, сестры и все здешние, деревенские школьники.

— Не разбудили! — закричал Володька, повернулся в избу.

Пальто, шапку накинул мигом, а вот обуваться было не во что. Валенки на постоянном месте, на краю печки не оказалось. Не нашел их Володька и на самой печке. Наткнулся он в темном углу на полатах лишь на резиновые красные сапоги, в которых мать по осенней распутице ходила на ферму.

Мать, конечно, и сейчас ушла на работу. Но в отличие от забывчивых Танюши с Марфушей слово свое вчерашнее сдержала и Володькины

валенки запрягала так, что искать их теперь переискать и ни за что не найти.

Володьку от этого бросило в жар. Но он тут же махнул рукой: «Ладно!» И не прошло минуты, застучал каблуками красных сапог по ступенькам крыльца, засверкал по белой тропе двора, выскочил на деревенскую улицу.

Сапоги, несмотря на то, что Володька насовал в них всяких разных подошвок, были порядком великоваты. На ходу они громко похрюкивали. Но весу в них было не так уж много, и Володька мчался, ходу не сбавлял.

Притормозил он лишь раз, когда увидел у соседней калитки старика Репкина.

— Дедушка Репкин, а дедушка Репкин! Пойдет с фермы мама, скажи ей, я побежал в школу на концерт.

Глуховатый Репкин приподнял шапку:

— Куда побежал?

— На концерт, на выступление!

— А-а... Оно и понятно. По сапогам понятно. В таких: только и выступать. Ну, беги, беги, выступай... матери доложу все в точности.

И Володька надал еще пуще, потому что подводы за околицей не было уже видно. Она только что ушла за поворот в сосновый бор, за яркие черточки деревьев.

Но Володька догонять ее уже и не собирался. Осклизаясь, чуть не падая, он бежал до той поры, пока в морозно-дымчатой глубине леса не услышал ребячьего голоса. А потом, когда различил мерзлое, медленное постукивание саней, прячась за соснами, пошел тише.

Он утирал шапкой мокрое от пота лицо, шел, слушал и обижался опять.

«Им что! — думал Володька про седоков-ребятишек, а главное, про сестренку. — Им что! Они в компании. Едут, радуются, как будто никого сегодня и не подводили, как будто обещаний своих не забывали. Ну и ладно, пускай! Лишь бы меня сейчас папанька не приметил...»

Один раз, уже почти на выезде из леса, отец вдруг словно что-то почувствовал. Он натянул вожжи, быстро оглянулся, но Володька присел еще быстрее, накрыл пальцем красные сапоги, и среди темных придорожных вешек, наверное, показался отцу тоже одинокой вешкой.

Куда трудней все пошло возле школы.

Рубленая из толстенных бревен, она выглядывала из-под крыши всеми своими окошками и узким крыльцом прямо на сельскую площадь. И отец как подкатил к этому крыльцу, да как высадил шумных своих пассажиров, так тут у крыльца и застрял.

Из саней вылез, туда-сюда из теплого тулупа выглядывает, рукавица об рукавицу хлопывает, с валенка на валенок попрыгивает и никуда не отходит.

А Володька смотрит из-за ближней избы и тоже начинает попрыгивать. «Неужто папанька так и будет на одном месте торчать? Тогда я тут под чужими окошками в сосульку превращусь... Это бежать в резиновиках было ничего, а стоять в них, ждать на морозе — оюшки!»

Но на Володькино счастье с другой стороны

к школе подъехала еще одна подвода. С нее тоже ссыпались ребятишки. С визгом, с хохотом скрылись за дверью школы, а бородатый, в форсистой шляпе пирожком возчик закричал отцу:

— Ты уже тут? Давай поставим лошадей к сватье, да и сами глянем, что тут за концерт-представление... Вспомняем и мы, так сказать, свое золотое детство!

И мужики засмеялись, упали в сани, погнали трусцой мимо заиндевелых палисадников к какой-то там сватье, а Володька, приседая от холода, кинулся к школе.

За обитой войлоком дверью он сразу попал в шумную толчею, в теплынь. Школьники — все мал-мала меньше — галдели, грудились у вешалок. Все старались раздеться первыми. А толстая, рябая нянечка шумела пуще всех. Она командовала густым басом:

— Иванов! Шапку свою в карман не запихай! А полóжь, как полагается, на полку.

— Сидоров! Опять тебе шубейку вешать не за что! Опять явился без петельки? Клади одежду в угол, петельку будешь потом пришивать со мной!

Володька подходить к вешалкам и близко не стал. Он мигом понял: ему, чужому, на глаза этой нянечке лучше не попадаться. Он боком, боком, скинув шапку, проскользнул за толпой в другую дверь.

За той дверью в праздничном зале, а вернее, в освобожденной для этого классной комнате сияла елка. Окна все были закрыты шторами, и при уютных, золотистых огоньках елки ребятишки скакали тут как хотели. Кто нацепив петушинные, ежиные и заячьи маски, кто просто так — они пищали, кукарекали, кричали единственной здесь распорядительнице:

— Жанна Олеговна! Попрыгайте с нами еще чуть-чуть.

А она уж, видно, напрыгалась хорошо. Тоненькая, очкастая, вся пунцовая от жары и от волнения, лишь успевала поворачиваться, все пыталась ребятишек утихомирить:

— Спокойно, дети, спокойно! Пора по местам.

Но все равно никто не утихал.

Только Володька, чтобы не маячить на виду, стал быстро высматривать себе местечко.

Он нашел его рядом с белеющим широкой скатертью столом. Стол был завален бумажными пакетами. От пакетов шел конфетный аромат. Володька скромно примостился в уголке на свободном стуле, подоткнул под себя шапку и пальто.

А галдеж между тем не унимался. В коридоре радостно забасила нянечка:

— Раздевайтесь, гостеньки, проходите! Нет, постойте, я вас сама проведу!

И тут Володька видит: нянечка в зале, а рядом с ней стоят, одергивают мятые пиджаки, смущенно приглаживают красными от холода ладонями свои встрепанные макушки тот бородатый возчик и Володькин отец.

Они топчутся, не знают куда себя девать — к ним подлетает Жанна Олеговна:

— Конечно, дорогие товарищи, проходите!

Конечно, мы вам душевно рады! Только вот просим прощения — у нас тут шум.

Мужики смущаются еще больше: «Ничего, мол! Мы и при шуме постоим...» А нянечка — раз, два! — и безо всякой просьбы мигом приняла командование на себя.

— Это ты, Иванов, что ли шумишь? Это ты, Семенов, петухом кукарекаешь? Это ты, Сидоров, являешься каждый раз без петельки, да еще и не слушаешься? Смо-о-отрите у меня!

И пошла распоряжаться, пошла. И, странное дело, ребятишки начали утихать и рассаживаться по местам.

Удивилась теперь и благодарно развела руками Жанна Олеговна:

— Милая Дуся, что бы мы без вас делали? Усадите тогда, пожалуйста, гостей, а я побегу готовить артистов.

И Жанна Олеговна помчалась в коридор, а довольная похвалою нянечка сказала:

— Сейчас, мужики, я и вас определю!

И вот она этакой башней стоит, поверх ребячьих голов зал оглядывает, медленно поворачивается в ту сторону, где Володька.

Тот полного ее разворота и ждать не стал. Он быстрехонько вместе с пальто, с шапкой съехал под столешницу, нырнул за свешенную скатерть, а нянечка мужиков именно сюда и ведет.

— Вот тут будет спокойней... Вот тут присяду и я с вами...

И начинает с грохотом стулья передвигать, устанавливает их перед самым Володькиным укрытием.

«Все! — охнул про себя Володька. — Теперь — конец. Теперь ничего не увидать, вот влип так влип!»

И — верно. Как бы ни пригибался Володька к единственной светлой полоске меж полом и краем скатерти, а все равно кроме ножек стульев, кроме мокрых от обтаявшего снега валенок отца, да меховых бурок возчика, да нянечкиных толстых пяток в широченных шлепанцах ничего разглядеть теперь уже не мог.

Разглядеть не мог, но — слышал. Грузная нянечка скрипела хлипким стулом и все еще гордась тем, что ее недавно похвалили, разъясняла мужикам:

— Вы, мужики, не сомневайтесь... Жанна Олеговна хотя в учителях первую зиму, а тоже на школьную работу шибко способная. Сам Иван Иваныч говорит: «Способная!» Только вот ребятишки что-то нисколько ее не боятся, а так она у нас — молодец. Весь концерт нынче поведет!

Возчик с отцом поддакивали, должно быть, улыбались, а Володька приуныл пуще. Нянечка вскочила, забухала в ладоши:

— Артисты идут! Наши артисты идут!

Володька опять пригнулся, вновь припал к бесполезной щели: «Вдруг да это уже Иван Иванович со своею серебряной трубой?»

Но слышалась не труба, а голос Жанны Олеговны:

— Выступает праздничный хор мальчиков и девочек нашей школы!

И хор под управлением Жанны Олеговны грянул: «Бусы повесили, встали в хоровод!»

И отец, нянечка, возчик принялись рядом с Володькой натопивать, подпевать.

А потом зазвучали и другие песенки. И все они тоже были симпатичными — про Снегурочку, про Деда Мороза, только Володьке в таком его странном положении все равно слушать было не слишком весело. А кроме того, каждую песенку он давно знал, дома с сестренками певал, и раз уж теперь на этот хор глянуть не мог и долгожданную трубу услышать не мог, то и концерт ему стал казаться не таким интересным.

Усталость после дороги, душная теплота под столом мало-помалу его сморили. И под знакомый мотив про лесную елочку он клюнул разок носом, клюнул другой.

Он даже увидел самого себя в сугробном бору, да тут словно бы налетел ветер, и Володька опять встрепенулся.

Жанна Олеговна под новые аплодисменты заканчивала говорить про какую-то грозу.

«При чем тут гроза?» — удивился Володька, но вслед за учительницей забасила нянечка:

— Ох, Петрова! Ох, Петрова! Ох, слушайте, мужики, слушайте! Наша Петрова будет стишок читать!

«Лучше бы Иван Иванович...» — нахохлился Володька, и все же, когда Петрова нежданно звонким, чистым голосом повторила название стихотворения «Весенняя гроза!», — то Володька и сам уши наострил.

Наострил, а в зале уже громко и свободно раздалось:

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.*

У Володьки мурашки побежали от таких простых и в то же время удивительно светлых слов. Он таких слов никогда еще не слыхивал. Он даже не поверил, что читает их сейчас, произносит самая обыкновенная девочка с обыкновенной фамилией Петрова; и он шагнул на коленях вдоль обвисшей скатерти, пополз в обход возчика, отца, нянечки.

А стихи звучали все светлей да светлей:

*Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.*

*С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.*

И тут стряслось чудо.

С каких-то неведомых высей как бы рухнул и по всем закоулкам школы раскатился настоящий весенний гром!

Он раскатился, опять взлетел, обернулся ликующим голосом-песней, и вот уже без слов, как на крыльях, поплыл над елкой, поплыл над ребятишками. И, боясь, что этот голос, этот торжествующий звук так же мигом исчезнет, как возник, Володька забыл про отца, про нянечку, выглянул рядом с ними из-под стола.

Он выглянул, увидел крохотную синеглазую девочку и подумал: «Да неужто это Петрова и есть?», а рядом... А рядом под елкой стоял в темном пиджаке и в светлой рубашке Иван Иванович!

Его-то Володька признал в момент. Над высоко запрокинутой головой Ивана Ивановича, в его легко приподнятых руках пела, звенела, смеялась та самая что ни на есть серебристо-серебряная труба, и была она куда прекрасней, чем ясный месяц вчера в ночном окошке.

Труба звала Володьку, и он встал, пошел.

Он прижал к себе шапку и пальто. Он шагнул напрямик, и никто бы его не остановил, да подвели мамкины сапоги. Он заступил ими длинную в руках одежду и — повалился.

Володька упал, лохматая шапка по скользкому полу подъехала под самые туфельки Петровой. Та в голос ойкнула, труба смолкла, и все устались на Володьку.

На него теперь изумленно глядел Иван Иванович.

На него глядели нянечка, возчик, Марфуша, Танюша, все ребятишки.

Отец сорвался с места, чуть не сбил Жанну Олеговну, тоже бросившуюся на подмогу Володьке, стал растерянно приговаривать:

— Да что хоть ты, братец мой, натворил-то? Да как хоть ты здесь очутился-то?

— Откуда? Как? Мы его тоже здесь не видели! — опомнился шумливо весь зал. И отец от этих своих, всеми подхваченных слов растерялся больше; Володька напугался, хотел кинуться в коридор, а там — на улицу. Но тут его ухватил за рубашку сам Иван Иванович:

— Стоп!

Володька зажмурился, присел. Ребятишки в зале тоже испуганно застыли. А Иван Иванович всего лишь и сказал:

— Вот так «клю-клю-клю»...

— Что? — не поверил своим ушам Володька.

— Я говорю: «Клю-клю-клю!» Это с тобой мы летом на скамеечке насвистывали? Неужели не помнишь?

— Со мной, со мной! — заулыбался Володька. Даже ухватил Ивана Ивановича за рукав: — Со мной ты насвистывал! У нас в деревне. А теперь вот я к тебе прибежал. На твою серебряную трубу посмотреть. Разреши мне ее потрогать...

Отец только руками развел, тоже глядел на учителя: «Вы, мол, нас не ругайте... И пусть, если можно, мальчик трубу потрогает...»

А Иван Иванович и сам знал, что надо делать.

— Ну, друг ты мой сердечный Володька, — сказал он, — если уж такое дело, то, конечно, трубу возьми и в нее подуй.

И он трубу Володьке подал и даже показал куда дуть.

По залу прокатился счастливый гул, потому что все теперь ребята и все взрослые сразу стали переживать за Володьку.

— Начинай! Не трусь! — махали ему знакомые деревенские мальчишки, махали Марфуша с Танюшей и Жанна Олеговна. А нянечка поднялась, сама словно бы протрубила:

— Раз велено дуть, то и дуй! Не бойся!

— Не бойся... — подтолкнула Володьку под локоток, шепнула конопатенькая голубоглазая Петрова.

И вот он, подражая Ивану Иванычу, запрокинул голову, наставил трубу вверх и подул. Из всей силы. Он ждал, что взвоятся сейчас над ним и откликнутся повсюду прекрасным эхом звонкие раскаты, но в трубе лишь что-то тоненько пискнуло.

Он дунул опять, но труба вновь лишь пискнула.

И тут впервые за весь прошедший очень трудный день, у всех на виду Володька чуть не заплакал.

— Ты дуешь — у тебя весна с громом, а у меня... — печально сказал Володька.

Он сунул трубу Ивану Иванычу, нашарил на полу шапку, принялся натягивать пальтишко. Но Иван Иваныч его остановил.

— Не спорю, — сказал Иван Иваныч. — Я, Володька, не спорю ничуть... У меня, возможно, и весна, и весенний гром, но у тебя-то, дружище, там жаворонок.

— Где? — опешил Володька еще больше и перестал натягивать пальто.

— Да вот тут, в тебе самом... — прихлопнул

по Володькиной груди, по замусоленной рубашонке Иван Иваныч. — Его, конечно, пока еще не всем слышно... Он еще маленький... Но без этого жаворонок ты сюда по морозу не прибежал бы ни за что.

— Правда? — уставился на Ивана Иваныча Володька.

— Вы что? Всерьез? — переспросил озадаченно отец.

А Иван Иваныч ответил:

— Куда уж серьезней!

И тут широко улыбнулся, повел рукой на стол с белой скатертью:

— А теперь давайте-ка завершим праздник совместным чаепитием! Девочки, няня, Жанна Олеговна! Берите команду в свои руки. Мальчишки, пошли со мной, наберем кипятку в наш общий чайник.

Володька, не зная, что ему делать, замешкался:

— А мне куда?

— Разумеется, и тебе со мной. Ведь мы давно уже приятели.

И Володька вместе с другими мальчиками и с Иваном Иванычем сходил за кипятком. Вместе с Иваном Иванычем сидел под елкой за общим, раздвинутым во всю ширь столом. Пил чай из такой же точно, как у Ивана Иваныча, эмалированной кружки; пил с конфетами, с печеньем и все спрашивал:

— А ты опять когда-нибудь на трубе играть будешь? А меня на какой-нибудь другой праздник позовешь?

И учителю отвечать не надоедало:

— Буду! Позову! Непременно!

БАБАНА

Мы дружной Ленинской семьей!

В ГОСТЯХ У „БАРАБАНА“ ЮНКОРЫ НОВОГО УРЕНГО

Все чаще появляется название нашего города на страницах газет и журналов. Сюда едут люди всех национальностей. Плечом к плечу работают украинцы и белорусы, узбеки и нанайцы, чуваша и русские. Я верю, что наш город станет самым красивым. В нем будут построены метро, высотные дома, большие школы с бассейнами и спортзалами. Это будет город будущего. Когда я вырасту, тоже буду работать в Новом Уренгое.

Юра Рябцев,
5 класс

Рядом с нами в тундре пасутся огромные стада оленей. Олени едят ягель, грибы и очень любят соль. На оленей часто охотятся медведи. Медведя, который задрал оленя, убивают охотники и снимают с него шкуру. Если эту шкуру повесить сушиться рядом с оленьим стадом, то олени будут бодать ее рогами.

Игорь Шульгин,
6 класс

У нас есть два кинотеатра — «Факел» и «Строитель». Прилетающие к нам самолеты садятся в новом аэропорту. А скоро к нам можно будет приехать на поезде: рабочие уже прокладывают железную дорогу. А пока стройматериалы привозят нам корабли, которые плывут по реке Ева-Яха.

Дима Козин,
6 класс

Новый Уренгой возник в 1976 году. Сначала люди жили в палатках. Потом в вагончиках. А сейчас в городе растут уже девятиэтажные дома. Самая первая улица была названа улицей Оптимистов. Она и сейчас так называется. Потому что уренгойцы веселый и жизнерадостный народ. Приезжайте к нам в Новый, Уренгой, сами увидите.

Алеша Гусельников,
7 класс

Раньше мы с родителями жили в вагончике, а теперь живем в большом каменном доме. Газодобытчик и строитель — в Новом Уренгое самые главные профессии. В городе уже построены два больших спорткомплекса, и многие ребята занимаются спортом. Я например, тренируюсь в секции бокса и уже побеждал на соревнованиях.

Дима Савченко,
5 класс

В ТУНДРЕ

Чернышенко, 4 класс.

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Имя нашего города присвоено одной из самых главных операций пятилетки трудовых пионерских дел. Мы тоже участвуем в операции «Уренгой», собираем на стройках металлургические отходы. Каждый старается перевыполнить норму, потому что чувствует себя ответственным перед пионерами всей страны.

*Толя Иванов,
6 класс*

В школу к нам часто приходят шефы — буровики. Соросаградусные морозы, пронзительные ветры, сильные метели — ничто их не страшит. Потому что у буровиков есть большая цель — дать свыше миллиарда газа! Мы гордимся шефами и хотим быть похожими на них.

*Лена Муравская,
5 класс*

Моя мама работает врачом в детской поликлинике, а папа бульдозеристом. Часто я прихожу на стройку посмотреть, как папа работает. Бульдозер у него современный и очень сильный. Мне даже двумя руками с трудом удается повернуть большой рычаг. А папа смеется и говорит: ничего, подрастешь, у тебя еще больше бульдозер будет.

*Женя Гладких,
4 класс*

Я приехал в Новый Уренгой из города Котова. Меня больше всего удивило, что собаки здесь очень большие и пушистые. Оказалось, что это они от сильных морозов такие сделались. Зато морозов наши уренгойские собаки нисколько не боятся. Даже спят на снегу.

*Алеша Субботин,
6 класс*

«БАРАБАН» БЬЕТ ТРЕВОГУ

«У нас в школе обижают маленьких: выкручивают руки, дергают за уши и волосы...» «Некоторые ребята не уважают свой пионерский галстук — носят его в кармане...» «Наш отряд собрал целую гору металлолома, но его почему-то не увозят, так и лежит под снегом...»

Таких писем приходит в «Барабан» не мало. Как быть? Кто придет на помощь? Наверное, лучше вас самих никто не сможет разобраться в этих сложных ситуациях...

«Барабан» предлагает:

всем юнкорским отрядам, постам и редколлегиям стеновых пионерских газет стать коллективными корреспондентами «Барабана»,

отвечать на трудные вопросы, с которыми обращаются к нам читатели,

регулярно рассказывать о пионерских делах на Марше юных ленинцев,

и прежде всего помогать тем дружинам, отрядам и звеньям, откуда приходят такие тревожные письма.

Все, кто примет участие в этой работе, получат удостоверение коллективного корреспондента.

Итак, кто первый берет слово?

ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ

Почему октябрятам
бывает и бывает
не скучно

У нас в школе висит плакат «Октябрята — по стране Октября», где есть список вожатых. У нас — вожатые из 6«а». Но их мы видим очень редко. В первом классе, когда нас приняли в октябрята, они пришли, поздравили и спели песню «Орлёнок». А сейчас мы уже в третьем классе.

Почему-то мы, октябрята, в свободные часы навещаем наших подшефных детсадовцев. Мы играем с ними, и малыши нас любят. А у нас самих вожатые лишь на плакате...

*Оля Гуськова,
3 класс, школа № 251,
Ленинград*

Мы с октябрятами провели игру «Светофор». Октябрята были и «регулирущиками», и «водителями», и «пешеходами». Все смеялись над незадачливыми «водителями» и «регулирущиками», когда они делали ошибки. Зато пешеходами все наши октябрята оказались очень хорошими.

*Мехрибан Ахмедова,
Баку*

В 6-м номере «Барабана» за 1982 год Лена и Наташа из Гурьева жалуются, что их выбрали вожатыми, а октябрята их не слушаются. Я думаю, тут дело не в одних октябрятах. Может, вожатые проводят у них длинные беседы, как у себя на классном часе. А октябрятам еще трудно долго слушать, они устают. По-моему, главное — заинтересовать малышей. Если вы готовите для них спектакль или концерт, октябрят тоже включите в подготовку. Пусть и поют, и пляшут, и шьют костюмы. А самых-самых непослушных можно нарисовать в стенгазете «Колбочка». Но по-доброму, чтоб не обидеть — они же маленькие.

*Вероника Марченко,
7 класс,
Москва,*

В прошлом году мы в первый раз пришли к подшефным первоклассникам. Теперь наши октябрята уже второклассники, а мы по-прежнему бываем у них каждый день. Вместе готовимся к празднику песни и строя. Конечно, первое место занять нелегко, но ребята очень стараются и даже после уроков остаются репетировать. Они будут выступать в танкистской форме и петь «Песню про трех танкистов». Октябрята сами ее выбрали.

*Наташа Ралинская,
Лена Гапун,
Киев*

Я помню, как все наши ребята обрадовались, когда прочитали в газете: «Учитывая предложения пионеров и школьников, исполнительный комитет Ленинградского Совета народных депутатов решил: одну из строящихся станций Московско-Петроградской линии метрополитена назвать «Пионерская».

Мы уже не катались в метро, как раньше, а внимательно изучали подземные вестибюли. Спорили, как будет выглядеть пионерская станция. Делали

рисунки, эскизы, макеты. Многие пионерские идеи и предложения архитекторы исполнили в оформлении новой станции метро.

А еще ленинградские пионеры собрали 280 тонн металлолома — для пионерского электропоезда.

И вот в ноябре станция метро Пионерская вступила в строй. Вместе со строителями первыми пассажирами пионерского электропоезда были пионеры многих ленинградских школ.

*Тарас Трошин,
школа № 145,
Ленинград*

ВНИМАНИЕ!

«Барабан» объявляет пионерский фотоконкурс! Девиз фотоконкурса — «В объективе вся страна».

Свои фотографии и заметки к ним присылайте в редакцию не позже 1 сентября 1983 года. На конверте укажите: «Барабан». Фотоконкурс. В конце года будут подведены итоги. Победителей ждут награды и почетные грамоты.

Успехов вам, юные фотокорреспонденты!

Я прекрасно помню своих первых вожатых — Лену, Галю и Наташу. Они разучивали с нами песни, стихи и даже спектакли. А главное — приходили часто, даже на переменах — просто так, спросить, как наши дела, поиграть с нами, кому-то в чем-то помочь, кого-то утешить или рассмешить. И на всякий вопрос могли ответить. И всё они умели и были всегда справедливыми.

*Куляш Тургазиева,
станция Мангышлак
Гурьевской области*

Скоро премьера

Вот уже два года при музыкальной школе имени Чайковского существует детский оперный коллектив. Руководит оперой учительница музыки В. ф. Пономаренко. А оперные певцы — школьники нашего города: тридцать пять мальчишек и девчонок.

Последней нашей премьерой была опера «Колобок», которую мы поставили на сцене Дворца культуры электродного завода. Зал был переполнен маленькими зрителями. Они слушали внимательно, потом долго-долго хлопали, и мы поняли, что малышам очень нужна детская операсказка.

Сейчас мы репетируем «Снежную королеву», в которой целых четыре действия. Скоро премьера!

*Ярослав Галицкий,
7 класс, школа № 7*

В четвертой звездочке, которой я руковожу, все ребята дружные. Мы вместе читаем «Пионер», «Костер», «Пионерскую правду», книгу В. Кононова «Мы пионеры — дети рабочих» о пионерах нашей Брянской области. Мои октябрята готовятся стать пионерами. Мы разучиваем пионерские песни, рисуем, мастерим поделки. Каждый октябренок сделал кормушку для птиц, а некоторые сделали по две. Птиц мы кормим всю зиму.

*Марина Агейкина,
поселок Стеклянная Радица*

БЕРЕГИТЕ * ПТИЦ!

Пурга, метель. Синички прилетели под окно. Зовут они и пищи ожидают. Сейчас в лесу им корма не хватает. Покрыта снегом ель, И в комнате темно... Желая счастья тем, Кто птиц не обижает.

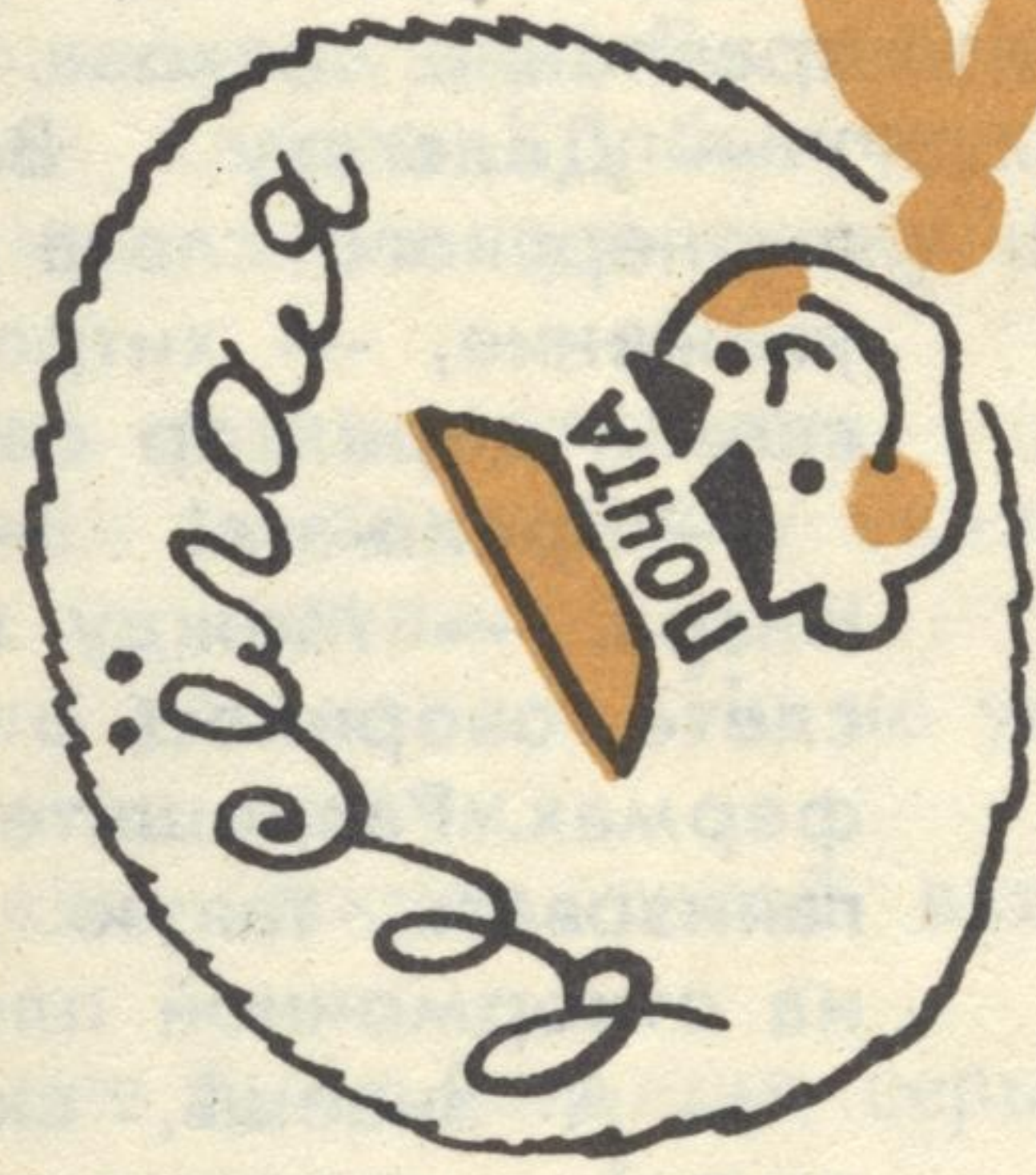
*Вадим Артеменков,
2 класс,
Ленинград*

Учитель:
— Дай определение треугольника.

Ученик:
— У треугольника три стороны — две стоячих и одна лежачая.

*Прислала
Наташа Гринвальд,
Петрозаводск*

Учитель:
— Расскажи о цапле.
Ученик:
— Это птица, которая ходит клювом по дну.

*Прислал
Саша Голенков,
Алма-Ата*

Учитель:
— Какую пользу приносит дятел?
Ученик:
— Он выковыривает из дерева грызунов.

*Прислал
Володя Петухов,
Горьковская область*

КОСТЕР НА БЕРЕГУ ИШИМА

Начало смотри на стр. 1.

Все долгие зимние дни Клара ухаживала за своим ягненком, поила его из бутылки теплым молоком. И теперь Китя бегал за ней как ручной.

В июне ягнят переводили на откормочную площадку, что в двух километрах от аула. Там они жили два месяца, набирали вес, крепили. Туда нужно было отдать и Китю.

Однажды Клара пришла в правление совхоза.

— Делегату Всесоюзного пионерского слета — почет и уважение, — хитро улыбаясь, сказал директор совхоза.

— Браля-ага! — сказала Клара. — Между прочим, на слете говорилось о пионерских фермах. Разрешите и нам организовать такую ферму — на откормочной площадке.

— А знаешь, сколько там ягнят? — спросил директор. — Три тысячи двести!

— Ну и что! А знаете, сколько нас? Нас много. Нас — целых шестнадцать пионеров! И директор разрешил.

На площадке поставили два вагончика, построили навес, сделали загородки. И пионерская ферма начала работать.

Утром первым вставал Файзула, вылезал из вагончика, трубил в горн зорьку. Ребята садились на коней и выгоняли отары в степь.

Степь кругом уже выжженная, желтая. Ни одной зеленой травинки. Лишь кое-где голубеет полынь. Но все равно в степи интересно. Над проселком беркут летает. Кружится плавно, ищет добычу. Вон суслик замер, стоит столбиком, посвистывает. А там далеко — идут комбайны, скашивают пшеницу, ссыпают в кузова машин целинное зерно. Живет степь своей неприметной, большой жизнью.

Днем ребята загоняли отары в калды. Калды — это такие большие четырехугольные загородки. Четыре калды — четыре отары.

Мишка Циммерман лихо соскакивал со своего Белогривого. Мишка — лучший наездник аула. Белогривый — лучший скакун в округе. Но есть у Мишки тайна, которую он скрывает от своего любимого коня: Мишка обожает технику. Трактор — это его мечта. Впрочем, Белогривый знает об этом и спокойно идет в стойло — жевать сено.

А Мишка залезает в трактор — дядя Петя разрешил! Ребята выгружают из прицепа корм и ссыпают его в кормушки, у которых толпятся овцы. Ешьте на здоровье!

Вечером на берегу светлого Ишима — пионерский костер. Клара — командир отряда, поэтому у костра она подводит итоги работы за день.

В степи опять разыгрался ветер. Огни дома были еле-еле видны. Высоко поднимая ноги, девочка шла по снежной целине. И все время чувствовала, как у нее под шубой шевелится теплый живой комок.

Вот и дом. Распахнула дверь, вошла, стала разворачивать тряпицу.

— Это кто? — спросила мать.

— Это? — Клара задумалась и ответила: — Это — Китя!..

Наступила весна. От талых вод Ишим разлился и подступил к самой ферме Абдрахмана Биргебаева. Степь ожила, зазеленела, яркими огоньками загорелись в ней красные, желтые, белые тюльпаны.

СНЕГИРИ

ПОВЕСТЬ

Василий ПУЛЬКИН

Рисунки В. Топкова

— Сегодня потрудились хорошо. Вовремя выгнали отары в степь, вовремя вернулись. Ни одной овцы не пропало.

И смотрит на ребят. Те знают, на что намекает Клара.

А дело было так. Однажды выгнали ребята овец в степь. Там хорошо — солнце светит, тихо. Слезли ребята с коней, улеглись в траву и... заснули.

Проснулись через полчаса, погнали отару в калду, стали считать — доброй сотни питомцев не досчитались. ЧП!

Клара узнала, расплакалась — вместе с отбившимися овцами ушел и Китя. Где их теперь искать?

Вскочили ребята на лошадей, отправились на поиски. А поля вокруг бесконечные.

Мимо газик проехал. Шофер выглянул в окно и крикнул:

— Ребята, это не ваши там овцы?

— Где?

— А за Ишимкой!

— Наши, наши!

Пригнали мальчишки заблудших овец к вагончикам. Клара их поругала, а потом сказала:

— Ну ладно, молодцы, что нашли!

Больше овцы с пионерской фермы не пропадали...

Незаметно пролетело лето. Незаметно выросли ягнята. Теперь это были уже крупные, с густой шерстью овцы. Наступила пора прощаться. Клара нашла своего ягненка, ласково погладила.

— Ну иди!

И огромная отара — три тысячи двести овец! — отправилась в далекую степь. И вели ее теперь взрослые чабаны — Абдрахман Биргебаев и Шокан Саукумов.

А потом была зима. И опять над тургайской долиной свистели бураны.

А весной Клару вызвали в район. Председатель райисполкома достал из сейфа маленькую коробочку и сказал:

— Это тебе!

Клара раскрыла коробочку и увидела медаль «За трудовое отличие». А Браля-ага заметил:

— Смотри, такая же, как у твоего отца!

Е. ЛУКИН

Школа-семилетка, в которой мне предстояло учиться, находилась в Корбеничах, в восьми километрах от моих Нюргович. И всю эту долгую, со множеством гор и низин, дорогу по крутому лесистому берегу Капшезера, где издавна жили мы, вепсы, я бежал, чтобы не опоздать на первый урок.

От страха и волнения лицо у меня полыхало огнем. Я боялся вздохнуть — вдруг старый отцовский пиджак свалится с плеч. Боялся переступить с ноги на ногу — вдруг распустятся подвернутые отцовские штаны? Босоногий, нелепо застыв, стоял я впервые посреди класса Корбенической семилетки. Стоял, вцепившись руками в большую сумку из грубого полотна, крашеную луком.

— Будешь сидеть вот здесь, — подведя меня к четырехместной парте, совсем по-домашнему сказала учительница. Голос у нее был похож на мамин.

Я немного успокоился. Но не успел сесть, как девчонка слева толкнула меня локтем.

— Ты, еж! Откуда такой взялся? — так и прилепила мне прозвище.

Глаза у нее были большие, серые, на подбородке — маленькая ямочка.

— Ну, ты!.. — прошипел я. — Тебе не все одно?

— Не все одно. Тут Поля сидит.

— А теперь я сидеть буду. Я сюда учительницей посажен. Ее звали Маша.

Через несколько дней мы не столько бранились, сколько показывали друг другу язык. Кончалось это так:

— Федоров, Антонова, встаньте!

От неожиданного окрика я втягивал голову в плечи и вдруг, поймав ее презрительно-насмешливый взгляд, с шумом вскакивал.

Не отрывая глаз от исцарапанных досок стола, стояли мы так подолгу.

В конце октября разом навалилась зима. Ядреная, свежая, с крутыми морозами. Как-то Клавдия Валентиновна оставила нас обоих после уроков. Попались мы с невыполненным домашним заданием. А была суббота. В такой день каждый старался прибежать домой в свою деревню пораньше. Родители на лесозаготовках, надо было убрать в доме, истопить к их приходу баню.

Оставили только нас двоих, и потому учительница, уходя, заперла школу на ключ.

Сидели мы молча в разных углах.

Очень скоро нам было уже не до задач. Становилось все холоднее. Ноги невольно постукивали друг о друга. Я вспомнил, что у Клавдии Валентиновны частенько бывало: оставит после уроков и забудет. В тот день корбеническая молодежь собиралась в Нюрговичи на посиделки. Собиралась туда и наша учительница.

Что делать?

В который раз оборачиваюсь к Маше и вдруг вижу: мой «враг» тихо ревет, уткнувшись в тетрадку.

— Нечего реветь, — сказал я. — Надо бежать.

— Как? — всхлипывая ответила Маша. — Дверь-то на замке.

— Шут с ней, с дверью. Через окно вылезем.

— Боюсь я.

— Тогда замерзай...

— Ругать будут.

— Пускай. Поругают-то один раз. Стерпим.

Она ничего не ответила, только зябко повела плечами.

Я вышел из класса. Кладовка оказалась не запертой.

Вернулся я с топором. Ковырнул фрамугу. Окно подалось с треском.

Бросил сумку с учебниками в снег.

— Чего сидишь?! Пошли.

— А что скажем, когда спросят — почему ушли?

— Скажем, не дождались. А уроки дома вы зубрим. Завтра-то воскресенье.

Я поддерживал Машу за посиневшие ледяные руки и торопил:

— Чего ты там, копуша! Держу же!..

Случай этот мы скоро забыли. Маша по-прежнему называла меня «ежом», вкладывая в прозвище всю свою жгучую неприязнь. Все так же презрительно фыркала, морщилась, когда я обращался к ней. Правда, язык мы уже не показывали. Подросли, что ли?.. К тому же я как-то перестал ее замечать, хватало ребят-приятелей. Есть в классе такая Антонова, ну и есть. Бог с ней. И так до самого конца учебного года.

Но вот пошли мы с ней в шестой. Я стал жить в общежитии школы. Оно размещалось в доме бывшего купца, просторном и гулком, с шумно скрипевшими половицами. К себе в деревню ходил только по воскресеньям — помочь по дому да заpastись продуктами на неделю.

Где-то в середине сентября случилось нам с ребятами переезжать озеро на осиновой долбленке. Была с нами и Маша. До берега оставались какие-то метры. Кто-то из ребят поднялся, прыгнул, чтобы принять лодку, но оступился и упал в воду. Лодка дернулась назад и опрокинулась. Мы пятеро барахтались в ледяной воде.

Маша оказалась рядом со мной. Захлебываясь, неумело молотя руками по воде, она даже не пикнула. «Ну, вредная!..» — мелькнуло у меня в голове, когда я схватил ее за косы и потянул к берегу.

— Беги домой, — сказал я, помогая ей выбраться на берег.

— А сумка с кни-ни-нигами, — зубы ее стучали, я едва понял.

— Тьфу! Чуть не утонули, а она про книги!..

Я снова полез в воду. Только взглянул с завистью вслед ребятам, побежавшим отжимать одежду в кусты.

Зато как же я обрадовался, когда углядел в воде ее красный портфель. Забыл и про холодную купель, и про то, что где-то на дне осталась моя торба с недельными запасами продуктов.

Выбираюсь на берег, смотрю: Маша. Мокрая, согнулась в три погибели, трясется от холода.

— Да ты что?! Оглохла, что ли?!.. — закричал я. — Дуй домой!

Она испуганно посмотрела на меня. Я бы, наверное, крикнул еще раз, только бы снова увидеть в ее глазах этот испуг.

Она побежала. Я вспомнил, что ее портфель остался у меня в руках, и припустил следом.

Как мы добежали до Озровичей, до ее дома, не помню.

— Господи! — всплеснула руками Маша. — Где же это вас так угораздило?..

Она хмуро взглянула на меня, словно во всем виноват был я.

— Вот... Машины книги... Их п-просушить только... — я развернулся, но на последней ступеньке крыльца был схвачен за ворот. Мать воткнула меня в дом.

Очнулся я на теплой печи. В чьей-то чужой, большой для меня одежде. Рядом сидела переодетая Маша. Глаза ее насмешливо искрились, словно только что раздалось: «Антонова, Федоров, встаньте!»

— Грейтесь, мои дорогие, грейтесь, — уже совсем другим, успокоенно-певучим голосом говорила тетя Настя, подавая нам теплые калитки с горячим молоком в больших алюминиевых кружках.

Я жадно кусал мягкие калитки и был готов снова хоть сейчас в студеную воду.

Провожая меня, тетя Настя сказала:

— Так ты, зятюшко, теперь захаживай к нам почаще.

От этого «зятюшко» я сыпанул с крыльца, как ужаленный крапивой. И уже не скоро вспомнил дорогу к Машиному дому. Зато Маша с тех пор не называла меня «ежом». Редко «ежилом»...

С тех пор я стал лучше учиться. Бывало, и ночь просижу над книжкой. В школу норовил прийти пораньше. Вдруг Маше надо будет в чем-то помочь? Правда, я знал, что она не попросит. А сам я вряд ли осмелился бы предложить.

Раньше того за мной не водилось, а тут стал заглядываться в зеркало. Торчащие, непослушные волосы раздражали меня. Я пытался с ними что-нибудь сделать, как-то пригладить. Даже несколько раз принимался стричь. Но не было с ними сладу — выходило еще хуже. «И нечего обижаться на «ежа», — думал я, глядя в зеркало.

Первым, кто заметил странные для меня самого перемены, была Шура Громова. Тоже моя одноклассница, тоненькая, со смуглым скуластым лицом, ростом выше меня на целую голову.

В праздник Октября, после торжественного концерта, начались игры. Играли в «ручеек». Я с бьющимся сердцем, не смея себе в этом сознаться, ждал, когда меня выберет Маша. Но она будто не замечала меня. Болтала, смеялась с девочками. А когда поворачивала голову в мою сторону, то рассеянно хмурилась и смотрела куда-то мимо.

Вдруг горячая сухая ладошка крепко схватила меня за руку. Это была Шура. Я покраснел, но пошел за ней. Мне стало стыдно. Я вспомнил, как несколько дней тому назад мы играли во дворе общежития в прятки. Дальний конец двора был завален колхозными снопами ржаной соломы. Когда водить выпало Маше, я спрятался, прикрывшись снопом соломы. Найти меня было легче легкого. И только я затих, как кто-то навалился сзади, закрыл лицо руками.

— Вот я тебя и укараулила!
— Маша! — ошалело вскрикнул я.

— Нет, не Маша.

Это была Шура.

Сгорая от стыда, я набросился на нее с кулаками.

— Катись отсюда!

Я толкнул ее, она упала. Долго лежала, видно надеялась, что я подойду. Молча смотрела на меня и только улыбалась сквозь слезы. Потом встала, потирая колено. Пошла, не оборачиваясь, медленно, волоча ушибленную ногу...

Я устал от собственной скованности, неловкости рядом с Шурой. Но тут кончили играть, стали расходиться по домам; я вздохнул с облегчением. Назначили дежурных убирать классы. Увидев, что Маша остается, остался и я. Я ничего от нее не ждал. Но и уйти просто так не мог. Еще тягостней было бы оказаться рядом с Шурой Громовой на улице. Уходя, она все пыталась поймать мой взгляд, но я делал вид, что занят уборкой.

Наконец, вышли и мы. Маша впереди, я за ней. На крыльце она обернулась, погрозила мне пальцем и чему-то улыбнулась. Будто камень с души свалился.

Было уже поздно. Подмораживало. В небе ключьями дыма тянулись рыхлые тучи. В промоинах между ними звонко и празднично высверкивал надраенный таз луны.

Я представлял себе, как мы пойдем по темной глухой улице, потом лесом, как Маша будет пугаться, а я — посмеиваться, но не очень, не обидно, как доведу ее до дому, а потом побегу к себе в общежитие. И так бы оно и было, если бы за нами не увязался Ваня Кустов. В школе его звали «губошлепиком». Когда он говорил, толстые губы у него пришлепывали, будто блины на сковородке.

Я этому Ване и так, и сяк, мол, дуй своей дорогой. Но он все твердил:

— Вместях самый раз идти. Вместях веселее.

И болтун Ваня задал нам веселья...

— Шла корбенская Марфа из Усть-Капши. Тоже ночью дело было, — шлепал Ваня. — Дошла она до ручья. «Напьюсь», — думает. А у Ведхийне разрешения спросить забыла. Наклонилась она, тут ее ктой-то цоп за волосы. Видит: старик худющий. Бородища, усы. Уши с лопату — торчком. «Ты который раз пьешь воду без спросу?» — говорит. «Ведхийне, Ведхийне, — догадалась Марфа, запричитала, — прости грешную! Век больше такого не сделаю и детям накажу». «Не могу простить», — отвечает Ведхийне. А та еще пуще заливается: «У меня дома пятеро! Один другого менее, помрут без меня». «Назови, кого за себя отдаешь, тогда отпущу». С перепугу Марфа ум потеряла. «Егоршу бери», — говорит. Отпустил ее Ведхийне. А через два дня утонул ее Егорша. Младшенький. В луже утонул, — и

без всякой остановки Ваня перешел к другой истории:

— А то вот случай был со скелетом...

И когда Ваня отстал от нас, мы с Машей дрожали, как листочки на осине. А нам идти еще дальше, лесной дорогой. Она вдруг вцепилась в мою руку.

— Тебе не страшно?

— Не-а, — отвечаю, а сам едва рот раскрыл.

— А мне страшно. Ноги не идут. И зябко уж что-то...

— Давай, — говорю, — петь. Когда поешь, ничего не видишь и не слышишь.

Я собрался с духом, заорал:

— Три танкиста, три веселых друга!..

Но, видно, пение мое нагнало на Машу еще больше страху. Она внезапно оборвала:

— Тише! — и взглянула на меня большими испуганными глазами.

У меня и голос осекся. И до самого ее дома не проронили мы ни слова.

Лишь поднялась она на крылечко, лишь хлопнула дверь, задал я стрекача в обратную. В стороне высокого, густого, вплотную подступавшего леса, мне мерещился скелет. Страшно было мне.

В дверь общежития я чуть не врезался головой. Забил в нее кулаками, что есть мочи.

— Кто такой?! Чего гремишь?..

Я оглянулся. На дороге стояли сани.

— Чего гремишь, спрашиваю?

— А вы кто, дяденька? — наконец-то выдавил из себя.

— Нойдальский Максим я. А ты?

— А я... Я нюрговского Ивана сын, Алексей! — выпалил обрадованно, узнав Максима — веселого мужика, каждый год приходившего к нам в деревню на Спасов день. Так задорно отплясывавшего под озорные частушки, которые тут же и сочинял. Приплясывал он забавно: нарочно согнувшись в дугу, с хитрой усмешкой глядя только на ноги, словно они были чужие, плохо слушались и за ними нужен был глаз да глаз.

— Чего ломиться, людей будить, — сказал Максим. — Поехали, домой свезу. По пути мне.

Я с разбега ухнул в сани. Охапка духовитого свежего сена мягко просела подо мной. Колючие травинки полезли в лицо.

— Ты чего по ночам шастаешь? — весело сказал Максим.

— Да так... Девчонку одну в Озровичи провожал...

Максим присвистнул с сочувственным пониманием, дернул вожжи.

— Никак влюбился?!

— Не-е. Раненько мне это еще.

— Чего-о?! Сколь же тебе годков?

— Четырнадцать уже.

— Фью-ю! — присвистнул Максим. — А говоришь — рано. Я вот в тринадцать... Втемяшился, ровно твой топор в сырой кряж. Да так крепонько, что в пятнадцать прибежал с посиделок домой к маме, говорю: «Не разрешишь на Верке жениться, повешусь». «Чем вешаться, — отвечает, — лучше уж воды в кадку натаскай».

Любовь, друг, это тебе дело не шутейное. Наем жизнь наша держится... Вот послухай-ка, какое дело с той любовью развернулось у моих соседей — бедных мужиков Ивана Миронова да Семена Ананьева. Родились у них дети. У Ивана — сын Лука, у Семена — Феня дочь. Покаместь бедными они были, Ивана с Семеном водой было не разлить. И детки ихние сдружились — все вместе да вместе, а потом как подросли и в таком, как ты, Леша, возрасте стали — появилась у них любовь, да не шуточная. А тут, вдруг, Семен разбогател. Одни говорили, что ен, когда ездил в Мурман на лесоповал, будто у кого там денег в карты много выиграл. Кто что болтал, а Иван — все в бедности. Еще подросли дети и друг без дружки никуда. Семена-то тогда беспокойствие и взяло: «Не дай бог еще свяжутся навеки».

Вот раз он пригласил к себе Луку и говорит: «Знаешь, верность-то свою к Фене надо делом доказать». «Говори, что делать надо?» «Принеси-ка Фене жемчужные бусы. Только не вздумай покупать, а сам добудь с озера жемчуг. Принесишь, считай, девка твоя. Нет — на себя пеняй». «Да я Фене звезду с неба достану!» — совсем парень на радостях ошалел. Побежал домой. Стал в дорогу собираться. Тут только дошло, что не в огород ему моркови надергать. Задумался. Шутки ли — жемчуга столько набрать. Где же это умудриться? Но делать нечего, отправился в лес. Мамушка надоумила его по пути к старому Еше зайти. Зашел. Так, мол, и так, накажи, будь добр, как мне быть, что делать, помоги горю моему.

Еша поколдовал чегой-то на горячих углях, молвит ему: «Поможет тебе один Ведхийне».

Лука спросил, как найти его. «Это, брат, дело не шуточное. Выдержишь ли?..» «Выдержу, дедушка, — отвечает Лука. — Наставь только». «Ладно. Слушай. Ровно восемь недель, день в день, выходи к озеру в полночь, на утренней заре, в полдень и на закате. Да все в одно и то же время, да в одном месте. Как придешь, так бросай в воду пяточку табака и корочку хлебца. Ежели все будешь делать как надо, выйдет к тебе старик...»

Было у Луки только «спасибо» от всей души. С тем и откланялся знахарю. Стал на озеро выходить. Все делал по знахарской науке старого Еши.

В последнюю полночь поднялся к Луке человек с длинными зелеными волосами и бородой. «Для чего ты меня тут так терпеливо выжидал, добрый парень?» — спрашивает.

Лука свою печаль ему и поведал.

«Так и быть, выполню я твою просьбу. Только не вдруг, — отвечает Ведхийне. — Погоди, пока воду затахнет льдом. Как затахнет, поставь по льду кругом стаунки на рыбу. Каждый ровно через сто сажень. Сделай это за одну ночь. И чтобы без помощников — все сам. Как расставишь стаунки, ровно через сутки снимай. Ежели все сделаешь толково, попадутся тебе щуки с жемчужными раковинами в брюхе. Раковинки доста-

вай, — чтобы щуки живы остались. Умудришься — твой жемчуг».

Обрадовался Лука. Поклонился Ведхийне до самых мокрых камушков.

Дома Лука подумал: «Обойду-ка я сперва озеро по берегу и сделаю на деревьях затески через сто сажень. Заодним посчитаю, сколько надо. Потом наделаю коротеньких колышков. Озеро встанет, по наметкам и набью те колышки».

Вот затянуло озеро льдом. А на Михайлов день окреп ен. Ночью пошел Лука ставить стаунки. На наживу было у него ведро носары загодя приготовлено.

Пошел он на другой день проверять. Поднял первый стаунок — ничего. Второй — тож. Тож и в третьей лунке. Пригорюнился. Идет к четвертой. Глядь, а там щука. Прыгает, не дается в руки. Тут будто кто шепнул ему, а Лука повторил: «Не пугайся ты. Отдай мне жемчужную раковину, я тебя и отпущу с богом». Только ен эдак молвил, щука и выплюни на лед раковину.

Руки у Луки трясутся. Открывает ножичком раковину. Видит — жемчужина. Совсем от радости потерял голову. Шутка ли — две горсти жемчужных раковин наковырял. Как раз на бусы. Той же ночью насадил их на нитку, а утром — к отцу Фени. Так, мол и так...

Семен глаза выкатил. Бусы пальцами мнет, на свет разглядывает. «Да, — говорит, — пряткий ты парень. Только это, брат, еще не все...» «Как так не все?!» — удивился Лука. «Пустяк один

остался...» «Какой пустяк, говори скорее!» «А такой... Феня твоя посажена у меня на чердак. Ни дверей, ни окон там нет, окромя лаза из родительской спальни. Да и тот на замке. А ты вот изловчись, да надень ей на шею бусы. Уж тогда считай, что твоя ена. Сроку тебе на то суточки. Понял?..» «Как не понять», — опустил голову Лука. Будто во сне от Семена вышел. А у Семена-то своя думка была: выдать Феню на силу за мужика аж из самого Тихвину. Тоже богательского. Аккурат следующим днем собирались дело уладить.

Ну, вышел Лука, куда идти — сам не знает. Только привели ноги опять к старому Еше. Говорит Еша: «В том помочь может один Кодиижанд Семенова дома. Да не с руки ему тебе помогать. Ты рассуди: живет ен за самой теплой печкой в доме. А печки хозяин топит. Что ж ему супротив идти, ежели хозяин на дрова не скупится. А Семен богатый, дров не жалеет. Так-то... Придется тебе, парень, отступить...»

С горя Лука едва ноги домой приволок. Мать аж за сердце схватилась. «Сыночек, что с тобой? Никак новая напасть?»

Рассказал Лука, облегчил душу.

«Что ж, сынок, Еша прав. Кодиижанд своим хозяевам покорный, — говорит мать. — Только ежели Феня тебя любит, то уж, верно, сиднем не сидит. Уж точно. Стал бы ее Семен на чердак запирать. Так вот что, проберись тайком в Семенов дом, а там уж как бог даст, да как голова подскажет...»

Поцеловал Лука мамушку за совет, прилег отдохнуть, подумать. Только засумерилось, он уложил бусы в Фенин шелковый платочек, пошел. Пробрался в сени, схоронился под лестницей на чердак, мол, будь, что будет.

До полуночи простоял, с ноги на ногу переминаючи. Вдруг слышит: у него под ногами кошка заныла. Видно, впотьмах хвост ей прищемил. Поднял ен ноги, кошка шмыг по лестнице вверх. Тут чуть слышно раздался мышиный голосок: «Кто ты, спаситель мой?» «Я Лука», — отвечает ен тихо. «А-а, знаю, ты Фенин жених. Ена меня утром тоже спасла, из мышеловки выпустила. Уж как убивается Феня по тебе, знал бы!.. Помогла бы вам, да где мне такой махонькой...»

Тут-то и стукнуло Луку в голову: «Кому же еще и не помочь, как тебе, — говорит. — Затащи своими ходами нитку бус к Фене. Пускай ена наденет их да отца зовет. А ему пускай скажет, что это Лука надел. Сумеешь?» «Это-то я сумею!» — обрадовалась мышка.

Шмыгнула ена в норку, только бусы по моховому пазу шоркнули.

Стоит Лука на прежнем месте, прислушивается. Вдруг скрипнули половицы, свет в дальней комнате зажгли. Тут Лука не будь дурак, ноги в руки и — к дому.

Не успел ен дух перевести, как за ним от Семена бегут. Так, мол, и так... ждет вас всех хозяин сегодня к обеду.

Так-то и добыл Лука свое счастье. Любовь на замок не упрячешь, верно я говорю? — Максим весело рассмеялся, заворачивая лошадь к нашему дому.

...Весь следующий день показался мне на удивление долгим. С утра помогал матери убираться. Потом возил навоз на колхозное поле. Уже к вечеру вили с отцом веревки. И чем бы ни занимался, не отпускало меня смутное тревожное предчувствие. И вместе с тем, то и дело вспоминался бедный Лука из сказки Максима. И не просто Лука, а будто он — это я. Представить Машу на месте Фени у меня не хватало духу. Мысли начинали путаться, я чувствовал, что краснею. Зато как никогда раньше хотелось, чтобы поскорее наступило утро и можно было бы бежать в школу. Там, я думал, лишь увижу Машу, тревога моя сразу растает. Как вчера, когда мы вышли на крыльцо школы, и исчезло мое нелепое чувство вины...

Вскочил я с первыми петухами.

— Куда в такую-то рань? — окликнула мать.

— Дежурным назначили.

— Вечор-то не говорил... Поешь хоть.

Наскоро перекусив остатками праздничных блинов с брусникой, я выскочил из дому.

В школе я был часа за полтора до звонка.

Тетя Лиза, уборщица, топила печи.

— Никак мне помощника ветром принесло, — сказала она. — Давай-ка разливай чернила по чернилкам.

Начали подходить ребята. Обстукивали на крыльце ноги, шумно возились, хлопали дверьми.

Скоро и звонку греметь. Держа его за «язык», тетя Лиза уже прохаживалась по коридору, то

и дело раздавая добродушные подзатыльники гомонившей малышне.

Жестяным звоном загремел звонок.

Первым урок географии.

Иван Андреевич отметил в журнале отсутствующих.

— Кто скажет, что с Машей Антоновой?

— Заболела, — отозвался Витька Комлев. — Мать ейная поутру забегала к нам.

— Не «ейная», а ее.

— Я то и говорю, — пробубнил Витька.

— Ты, Комлев, снесешь ей домашнее задание. Не забудь.

— Ла-адно.

«Заболела, — горячо вертелось у меня в голове, — заболела... Тогда в озере искупалась и — нипочем, а тут — заболела... Но почему Комлев? При чем тут Комлев?!»

Такого дня у меня еще не было. На уроках сидел тихо, но ничего не слышал, ничего не понимал.

В конце последнего урока я увидел перед собой листок, на котором аккуратным, совсем не моим почерком, было записано домашнее задание по всем предметам.

Я тупо огляделся по сторонам. Все так же, будто в тумане, обернулся и увидел совсем близко глаза Шуры Громовой.

— Пока Комлев чухается, ты и сбегашь... — шепнула она.

— Без тебя знаю! — с неожиданной злостью окатил я ее.

Я выбежал на улицу со звонком, забыв и сумку с книгами, и котомку с продуктами.

Бежал быстро. Все же дорога показалась мне долгой.

Вот и знакомый дом. Высокий, с соломенной крышей и березой под окнами.

— Запалился-то как! — встретила меня тетя Настя. — Случилось чего?

Она сидела на сундуке, терла рукой поясницу.

— А Маша как?

— Плоха твоя Маша. Застудилась где-то.

— Вот... задание школьное... ей... Я каждый день приносить буду. Поправилась бы только...

Я говорил громко, все поглядывая на дверь в другую половину. Но оттуда — ни звука.

— Эк ты жалостливо, — усмехнувшись, сказала тетя Настя. — Ты не волнуйся. Дело молодое, поправится, надо думать.

Только сейчас разглядел я усталое бледное лицо тети Насти с опустившимися по-старушечьи углами губ. Она зябко куталась в серый полусалок.

— Никак, и вы больны?

— Что-то тоже не можется. Собираюсь по воду, да вот не встать чего-то.

— Ведра-то где у вас? Я мигом!..

— В сенях. Там и коромысло.

Гремя ведрами, я бежал по тропе к озеру. Наконец-то нашлось оправдание моему приходу.

Я спешил наполнить кадку. Так спешил, будто от этого у всех людей на свете должна была начаться счастливая жизнь.

В эту минуту столкнулся я на крыльце с Витькой Комлевым.

— А ты с чего здесь?! — удивился тот.

— Не видишь? Воды натаскать надо.

— Вижу, запрягся... Машка-то как?

— Болеет.

Витька пристально посмотрел на меня, покачал головой.

— Задание-то отдал?

— Отдал.

Витька ушел.

Все с тем же азартом я натаскал в дом дров. Что сделать еще — не знал.

Стал прощаться.

— Да куда же ты, зятек? Перекусил бы.

Но я уже вылетел на улицу.

Шли дни. Каждый раз после уроков я отправлялся в Озровичи. Желание увидеть Машу пересиливало страх снова услышать «зютек». В школе и в общежитии надо мной уже посмеивались. Прав был нойдальский Максим: «Любовь под замок не упрячешь». Но тогда я еще стыдился этого взрослого слова. Не было его у меня и в мыслях.

Насмешек я сначала не замечал. Потом делал вид, что не замечаю. В конце концов стал огрызаться: «Да, хожу. А вам что за дело?»

Все эти подначки показались мне ребячьей ерундой после того, как однажды, придя к Маше, я застал ее одетой, сидевшей за столом у окна.

Она нетерпеливо махнула мне рукой, подзывая, и снова приникла к окну. Я подошел, склонился. В замороженном окне была продышана дырочка.

Завиток светлых Машиных волос коснулся щеки, у меня перехватило дыхание.

До меня не сразу дошло, хоть я и видел, что там, за окном, на серебристой от инея ветке березы, сидели два распушившихся снегиря. Их слабые нежные голоса хорошо были слышны.

Маша тихо рассмеялась. Она подняла голову. Я смеялся вместе с ней. И так свободно было на душе, так радостно.

Маша поправлялась.

Я уже знал день, когда она придет в школу. Накануне я долго бродил по лесу, что-то распевал во все горло, будто оглохший весенний глухарь.

Встал ни свет ни заря. Прихватив сумку, неслышно выскользнул из общежития.

Небо над головой было сплошным, серым, будто напитавшийся водой мартовский снег. Источавший, сходивший на нет яркий месяц в дымчатой опушке был еще высоко, но оба рога его уже устало клонились к земле.

От крепкого утренника пар изо рта валил плотным клубом. На глаза навертывались слезы. Ресницы тяжелели, покрываясь льдистыми чехольчиками, слипались. Но по всему было видно, что день разгуляется: будет солнечным, тихим, с чистым голубым небом.

Я ушел далеко за околицу по дороге в Корбеничи. Все выбирал кусты погуще, да поближе к обочине. «Притаюсь, — замышлял, — и как она чуть пройдет мимо, напугаю серым волком. Вот смеху-то будет!..» Но тут же, запоздало вспом-

нив, одергивал себя: «Она после болезни, а я — пугать... Нет, лучше я ее тихо окликну. Тоже — врасплох. И тоже весело...»

Наконец я выбрал ивняк, тянувшийся густым путаным забором вдоль дороги на повороте. Над ивняком возвышалась матерая сосна, и кусты будто просились погреться под полами ее просторной шубы.

Из-за сосны было хорошо и далеко видно.

Стал ждать. Сначала все смотрел на дорогу, но вскоре почувствовал: зябнут ноги. Утоптал снег, получился пятачок, на котором можно было погреться.

Неожиданно надо мной тенькнула синица. Я даже вздрогнул. Поднял голову. Погрозил кулаком: «Ты чего?! Сорока, что ли?..» Птичка испуганно вспорхнула. Мягкий комок снега упал мне на лицо. Тонкая, вмиг почерневшая ветка еще раскачивалась. Я вспомнил березу под Машиным окном, снегирей...

Машу я увидел совсем неожиданно, прямо перед собой. Но кто это?.. Рядом с ней Комлев.

Они о чем-то громко говорят, но слова не долетают до меня. Я только вижу. И только Комлева.

Разом померкло утро с порозовевшим снегом на деревьях...

Они уже были далеко, когда я бросился кружным путем в обгон. Я бежал к школе. «Там-то я ее встречу одну. Должен же когда-нибудь Комлев отойти, — думал я. — Только бы успеть...»

К школе я вышел, тяжело дыша, весь в снегу, мокрый. От головы валил пар, шапка осталась где-то в кустах.

— Смотрите-ка, смотрите! Шатун из-под коряги вылез!

— Да никак это Машкин жених!

— Эй, жених, где тебя черти носили?! — громко, тыча в меня пальцем, вместе с другими смеялся Колька Теплов, розовощекий крепыш.

Я уже не соображал. Все мои обиды, боль и стыд сошлись в эту минуту на Колькиной переносице.

— Молчи, дурак!

Колька шагнул навстречу, выпятив грудь. В глазах его стоял спокойный орлиный холодок.

Любитель подраться, Теплов был сильнее, шире в плечах. Но сейчас я бы сладил и с двумя такими.

Я рванул его за ворот так, что мы оба не устояли. Рухнули, как подкошенные. Сцепившись клубком, покатались, норовя достать друг друга кулаком в лицо.

Ребята обступили нас, загалдели:

— Гляди-ка, гляди-ка! У Кольки сопатка потекла!

— Так его, жених!

— У жениха-то тоже!.. Ха-ха... Губа грушей надулась!

Шура Громова, с перекошенным лицом, с тонкими руками, далеко высунувшимися из рукавов короткого пальтишка, набросилась на Кольку. Маленькими кулачками молотила его по спине, вскрикивая:

— Отстань от него! Чего ты к нему пристал?!

Колька поднялся на ноги, отплеываясь, смор-

—каясь в сторону, рассеянно отворачиваясь от слабых Шуриных ударов.

— Чего ты! Чего ты?.. Не я первый начал, если хочешь знать.

— Вот дура! — кричали ребята. — Нашла кого защищать — Ежа!

— Да у них с Антоновой — любовь! Тебе-то что за дело?..

— Чего-чего-о?!

Все обернулись.

На крыльце в накинутом на голову материнском платке стояла Маша. Она хмурила белесые брови и холодно-прищуренным взглядом смотрела на Грому.

— Больно мне нужен этот ваш Еж!

...Я шел, едва переставляя ватные ноги.

Саднило разбитое лицо. Тупо гудело в голове.

Все, что минуту назад полыхало во мне, сгорело дотла, и будто ветром выдуло. И такая боль была во всем теле, такая усталость, что хотелось свалиться посреди дороги, закрыть глаза и уж больше не просыпаться.

Дорога пошла под уклон. Солнечные блики от санных следов слепили. Я остановился, чтобы перевести дух.

Уж было видно озеро с длинной черной прорубью. У проруби кто-то поил лошадь.

— Лешка, здорово! Никак, мимо. Чего не отвечаешь?

— Здравствуйте, дядя Максим.

— Эк тебя разукрасили! Подрался, что ли?

Я кивнул головой.

— Небось, из-за той девчонки. Угадал?

Я закрылся рукой и заревел в голос, будто запруду прорвало.

— Угадал, значит... — глухо сказал Максим, пригибая меня к темной воде. — Давай-ка сюда рыло ушкуйное.

Он водил мокрой, стылой пятерней по моему лицу, приговаривая:

— За девку, парень, драться не зазорно. А то какая ж тут любовь. Так... шуры-муры одни...

— Да не нужен я ей, дядя Максим! Не нужен... — гундосил я, сморкаясь в заскорузлые пальцы.

— Кто ж тебе это сказал?

— Сама. При всех.

— Ну, дурик! — Максим дернул меня за волосы. — Да неужто она тебе при всех признаваться станет?! Это жизнь, а не сказка про Луку и Феню. Эх, молодо-зелено! На, утрись...

**ВСЕСОЮЗНАЯ
КОМСОМОЛЬСКАЯ
СТРОЙКА**

ПАРОЛЬ

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунок Н. Куликовой

Мне показалось, что за мной внимательно наблюдают.

Оторвал глаза от скользкой дороги и в окне второго этажа увидел голову в платочке. А из-под него смотрели огромные, внимательные глаза. Медленно поднялась рука и сделала мне знак.

Я подошел. Девочка приоткрыла окно и спросила:

— Ты добрый человек?

Я не знал.

Девочка сказала, что ее зовут Настя. Здесь, в новом поселке, летом почти не осталось ребят, и она искала человека, который мог сегодня сходить на ферму к телятам. Я действительно собирался с директором совхоза на ферму.

Настя объяснила, что у нее на ферме телочка, самая маленькая и самая слабая в стаде. Другие телята, крепкие и драчливые, отталкивают ее от кормушек, а Настя за этой телочкой ухаживает. Недавно Настя заболела, а сегодня у телочки праздник — ей исполняется четыре месяца. И надо передать подарок.

Я согласился.

Настя спустила на нитке четыре шоколадных конфеты.

— Смотри, сам не съешь! Если голодный, я тебе хлеба дам.

— А как твою телочку узнать?

— Позови: «Мила, Милка, Ми-и-илочка!» — только ласково, она и подойдет.

Настя подумала и добавила:
— Потом придешь, расскажешь. Смотри же, не обмани, я буду ждать, спать не лягу.

...Сдвинув брови, директор совхоза «Белорусский» Василий Ефимович Новицкий смотрел на поле. Вчера начали сенокос и единым махом положили пятьдесят гектаров пахнувших медом, цветущих трав. Но солнце село в тучи, и полил дождь затяжной. Трактор с граблями плыл по полю и не мог выцарапать траву из воды. Намокла, теряла вкус овсяница луговая, тимофеевка, канареечник, клевер... Хоть плачь.

Мы вернулись к «уазику». Василий Ефимович взял трубку радиотелефона.

— «Рубин», ответьте «Первому»... Пришлите все механические грабли на Туликовское поле. Готовьте силосные ямы. Будем укладывать траву на силос.

— Вас понял... — хрипло ответил голос из телефона.

Дорога скользнула между двух ельничков, поднялась на холм, и вот мы среди домов из белого и красного кирпича на центральной усадьбе совхоза «Белорусский» Псковской области.

Строила совхоз Белоруссия, поэтому и назвали — «Белорусский». И другие совхозы в Нечерноземье строят братские республики.

— В нашем совхозе все белорусское, от гвоздя до трактора, — сказал Василий Ефимович.

Новому совхозу нужны были специалисты, рассказывал Василий Ефимович, и он решил: нужно растить своих — молодых, энергичных, думающих.

Поехал в школу, разговорился с ребятами, рассказал о будущем совхозе. Ребята слушали внимательно, потом засыпали директора вопросами. Много раз приезжал он в школу и подружился с ребятами. А затем отправился в Новополецкий сельскохозяйственный ин-

ститут, договорился с деканом, узнал условия приема.

В первую же осень поступили шесть выпускников школы в этот институт. На следующую осень еще шесть человек. Вернутся в совхоз они агрономами, зоотехниками, экономистами, механиками...

Другие пошли в техническое училище: будут свои слесари, шоферы, трактористы.

А пока они учатся, кто совхозу поможет?

Поехал Новицкий на хутор к старому механику Ивану Ивановичу. Еще издали залюбовался хутором — обсажен елочками, стоит среди полей. Рядом с домом хлев, сарай, огород, сад.

Ивану Ивановичу уже под семьдесят. Глубоко спрятаны глаза под лохматыми, выгоревшими на солнце бровями. Но еще сохранили недюжинную силу узловатые руки.

Директор ему рассказал: затеяли, мол, строить крупнейший в Псковской области совхоз, это их часть Продовольственной программы страны. Да вот загвоздка с ремонтом машин.

Дед гордо посмотрел на свою жену:

— Слышишь? Молодежь помощи просит.

— Значит нужен еще!

И начал Иван Иванович ремонтировать тракторы. Молодых обгонял в работе. Учил по звуку искать в моторах неполадки.

Построили в совхозе машинный двор, заасфальтировали.

Начали прибывать новые тракторы, косилки, комбайны...

Потом Новицкий сказал:

— Надо ликвидировать ручной труд!

Начали с картошки. Раньше привозили ее на машинах в огромных тяжелых мешках и вручную ворочали, засыпали в картофелесажалки.

Посоветовался Новицкий с Иваном Ивановичем и сказал плотникам, чтобы смастерили для машин особые кузова.

Подошла первая машина к сажалке, кузов поднялся... А картошка не сыплется. Что-то получилось не так. Пришлось

шоферу забираться на самый верх и спихивать ее лопатой.

— Давайте по-старому, — предлагают шоферы.

А директор говорит:

— Я уже понял в чем дело, завтра пойдет.

Вечером грузовики велел поставить в мастерские. А тут их уже ждали слесари и плотники. И сам директор с ними работал, не спал всю ночь. Эти кузова разобрали, сделали новые с еще большим уклоном, днище обили гладким стальным листом.

Утром пошла загрузка.

...Затяжной дождь кончился неожиданно, из-за туч выглянуло солнце. И тотчас из машинного двора стали выходить и разбегаться по полям машины и тракторы. Двор опустел, остался один прицеп. Около него старался Иван Иванович.

Из конторы выбежала молоденькая девушка, оглядела небо:

— Сейчас пойду вызову авиацию, траву подкормить.

Я спросил у Ивана Ивановича, кто она.

— Агроном, — отвечал старик и еще рассказал, что у них уже расчищают поле и вскоре будет у совхоза свой аэродром.

Самолет прилетел и потянул за собой дымный шлейф.

Только в конце дня мы поехали на ферму к телятам.

Из-за дождей телят в поле не пускали. Скотник накопил травы и привез на лошади.

Председатель остался у ворот поговорить со скотником, а я прошел внутрь. На ферме было чисто и сухо. Телята, ожидавшие знакомого человека с кормом, повернули головы и встретили дружным «Му-у!..»

Я достал конфеты и, стараясь перекричать шум, заорал:

— Милка, Милка!

Красно-бурые, крепкие, упитанные телята молча таранились на меня. Один теленок в дальнем углу сделал несколько шагов и тихонько промычал. Я догадался — это Милка.

На ладони протянул конфету.

Милка посмотрела на меня,

ткнулась в ладонь влажным носом и слизнула конфету.

Директор уехал по своим делам, а скотник раскрыл ворота и на вилах стал носить большие охапки сочной, хрусткой травы, раскладывая ее по кормушкам. Я ему помогал. Когда телята принялись за еду, мы остановились возле Милкиной кормушки отдохнуть.

— Ледащий был теленок, — сказал скотник про Милку. — Маленький. Кожа да кости. Да еще и кашлял. Я уж рукой махнул, думал пропадет.

И он рассказал, как весной пришла на ферму Настя. Побегала, поиграла с телятами, заметила Милку. Долго на нее смотрела. Потом говорит: «Какой грустный теленок...»

Убрала пионерский галстук под кофточку, чтобы пятнышка не посадить, засучила рукава и за дело. Всю вымыла, досуха вытерла, напоила теплым молоком с отрубями, местечко отгородила, чтобы было тепло и сухо. Выпросила у фельдшера для теленка рыбий жир.

Другие ребята с ней приходили, да летом разъехались — кто в лагерь, кто в гости. И Насте родители предлагали в лагерь поехать, да она отказалась. Каждый день — на ферму.

— Спасла, выходила Милку, — сказал скотник. — И знаете, о чем она теперь думает? Как сделать, чтобы телята не болели!

Начинало смеркаться. До лагеря мелиораторов, где я остановился, было рукой подать, а до поселка на холме — несколько километров. Я устал и проголодался. Но представил, что Настя еще ждет, и, не раздумывая, зашагал в поселок.

Когда поднялся на холм, в домах зажгались огни. Издали заметил я в окне укутанную в теплый платок Настю. Она увидела меня и замахала сразу двумя руками.

— Привет тебе от Милки! — крикнул я ей.

Окончание следует

ПЯТЕРО НА РИО ПАРАГВАЙ

ОТ РЕДАКТОРА

Об этой необычной истории я услышал совершенно случайно.

У дверей первого в России музея — Кунсткамеры, построенной еще по указу Петра I, стояла в нервном ожидании густая очередь человек в триста. Отстояв свое, я неторопливо ходил по залам, разглядывая редкостные экспонаты.

Внимание мое привлек индеец, стоящий за стеклом. Он был так похож на живого, что я даже вздрогнул. А вот лук у него был самый настоящий — изогнутая палка метра два длиной из красноватого дерева, витая тетева и полтораметровая стрела, с хвостовиком из камышинки, наверное, чтобы не тонула, и с зазубренным каменным наконечником.

За музейным стеклом текла трудно понимаемая теперь жизнь. Прищутив глаз и не обращая на нас внимания, индеец с невозмутимым лицом стрелял через воду в невидимую для нас рыбу. Лежал плетенный из травы пресс, которым женщины отжимали сок из маниоки. Лежало ожерелье из зубов зверя, палка для рыхления земли, дощечки для переворачивания лепешек, погремушка для танцев, деревянная флейта, огромная, как ствол пушки, топор — дубина со вставленным в нее острым камнем, челюсть рыбы, употребляемая в качестве ножа и инструмента для татуировки, двухметровый лук для охоты на ягуара...

Рядом остановились два человека, и мы заспорили — когда и какая экспедиция привез-

ла эти вещи из Южной Америки?

Стали выяснять, и я был поражен. Русские студенты, почти без средств, без опытного руководителя в 1914 году отправились в джунгли Южной Америки и не пропали там, не растерялись, а вернулись с победой, привезли экспонаты для лучших музеев страны!..

К тому же, через несколько месяцев после их отъезда началась мировая война. Морская блокада отрезала их от дома.

В августе 1915 года путешественники покинули Южную Америку на небольшом пароходе и, миновав минные поля, счастливо добрались до Англии. В начале октября коллекции были погружены на русский военный транспорт, шедший в Архангельск.

Невероятно!

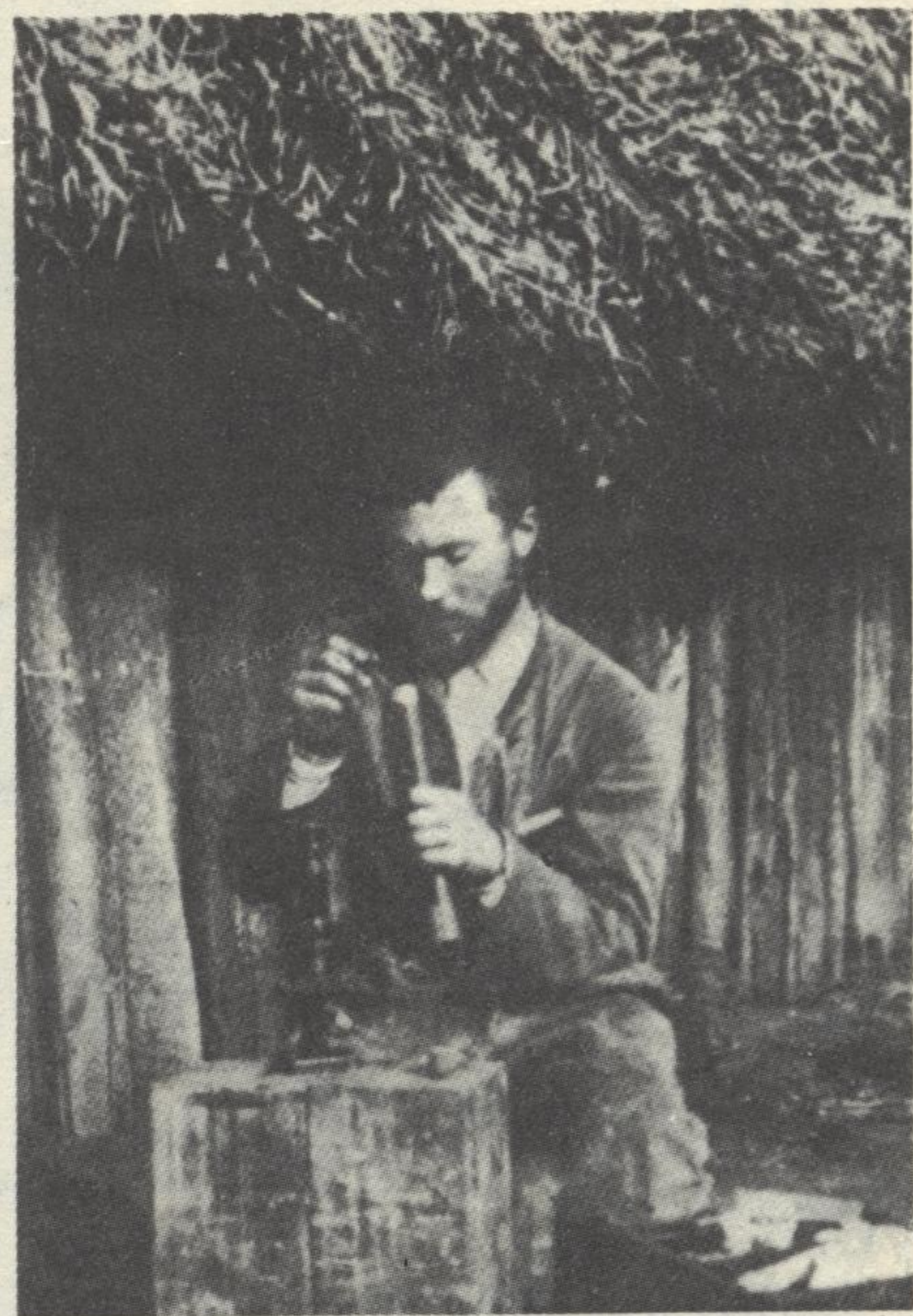
Я привык думать, что русские путешественники и первопроходцы изучали Сибирь, Дальний Восток, Заполярье, Арктику. А о тропической природе писали Гумбольдт, Уоллес, Дарвин, Бэтс... А тут — простые студенты.

Потом мы пригласили в редакцию сына одного из этих отважных студентов Виталия Николаевича Танасийчука, ученого-энтомолога, тоже бывалого путешественника. Мы листали дневники его отца, сквозь лупу разглядывали выцветшие, идеально ровные строчки, с трудом угадывая в них отдельные буквы.

Вот рассказ Виталия Николаевича об экспедиции, в которой принимал участие его отец.

Июнь 1914 года. Южная Америка, широкая и мутная река Парагвай. Бойко шлепая по воде плицами колес, идет против течения небольшой белый пароходик. На стрежне течение слишком быстро для него, и он лавирует, переходя от одного берега к другому и огибая мели — к сожалению, не всегда успешно. На борту — полтораста пассажиров, пестрая толпа гаучо из пампы, искателей золота и алмазов, эмигрантов из разных стран Европы. Почти все вооружены, и приближение судна слышно издали по отчаянной пальбе, которая открывается по каждому встречному кайману — жакарэ. А их здесь множество — лежат рядом с корягами на мелях и пологих берегах, такие же серые, как коряги.

На корме, не обращая внима-

И. Д. Стрельников
за работой у хижины,
в которой жили путешественники

И. Д. Стрельников, раскрашенный по индейскому обычаю, с вождем племени каа-ы-ва

ния на шум, расположились пятеро молодых людей. На них парусиновые куртки, крепкие башмаки с кожаными гетрами; через плечо — футляры с биноклями и фотоаппаратами. Капитан обращается с ними весьма почтительно — ведь это не какие-нибудь землемеры или торговцы; это исследователи, и приехали они издалека — из ледяной Московии. О них писа-

ли в асунсьонских газетах; капитан даже помнит заголовок — «Экспедиция отважных русских студентов».

Но каким же образом пятеро русских оказались на рiu Парагвай?

В Петербурге, в Биологической лаборатории имени Лесгафта на Английском проспекте (сейчас это проспект Маклина) издавна собирался кру-

Н. П. Танасийчук (в центре) и И. Д. Стрельников с индейцами каа-ы-ва

Фотографии участников экспедиции, 1915 год

жок молодых биологов. Они обсуждали здесь проблемы биологии и философии, говорили о новых открытиях в науке, о путешествиях в далекие страны. Как-то раз они поспорили, какой континент интереснее всего для исследователя-зоолога и решили: конечно, Южная Америка с ее бескрайними тропическими лесами и гигантскими реками. Правда, ее уже изучали десятки натуралистов, но ее природа настолько богата и разнообразна, что открытий хватит на многие поколения исследователей. Вот куда бы поехать молодым зоологам! Какие удивительные вещи они могли бы там увидеть, какие великолепные коллекции привезти! А что, если?..

И вот, проспоров всю ночь, молодые люди решили — едем. И как ни невероятно это звучит, они действительно поехали!

Несколько музеев рискнули — и выделили небольшие средства на эту поездку; недостающие деньги удалось добыть у меценатов. Всего набралось около трех тысяч рублей; этого должно было хватить на полгода. И двадцать первого апреля путешественники выехали из Петербурга. Было их пятеро — студенты-этнографы Генрих Манизер и Федор Филельstrup, экономист Сергей Гейман и зоологи — Иван Стрельников и Николай Танасийчук.

После долгого пути по океану, а потом по рекам Парана и Парагвай они добрались почти в самый центр материка, в бразильскую провинцию Мату-Гросу — по-русски это можно перевести как «великая чаша» или «большой лес». Поработав здесь вместе, они разделились — этнографы вместе с Гейманом направились на поиски индейцев, а зоологи стали собирать зоологические коллекции.

И вот — маленькая хижина на склоне горы Сан-Доминго, конец ночи. Стрельников возится у костра, сегодня он дежурный. Сухие сучья, хранившиеся под крышей, вспыхивают сразу. Зоологи жмутся к огню: на градуснике, висящем

у входа, девять по Цельсию. Не мудрено, что ночью не грело ни одеяло, ни натянутое поверх него пальто. И это — на девятнадцатом градусе южной широты!

Торопливый завтрак — и в путь. Горы еще окутаны туманом, только кое-где из его полотнищ выглядывают силуэты пальм. Прежде чем выйти на тропу, путникам приходится продираться сквозь заросли жесткой травы карагуаты, колючих мимоз и лиан с громадными изогнутыми шипами — недаром одну из них прозвали «уно де гато» — кошачий коготь. Все это щиплет, колет, рвет, через эту колючую сеть нельзя идти, можно только с трудом прорубаться длинным тесаком-мачете.

Быстро, с короткими предрассветными сумерками над туманом загорается солнце. Здесь оно не катится вдоль горизонта, как в Питере, — а взлетает вверх подобно ракете. Наливается синевой небо, тысячами огней загораются капли росы на листьях, цветах, в упругой паутине длинноногих пауков.

А это что такое? По краям тропы — светлые, недавно выброшенные кучки земли, совсем как кротовины на русских лугах. Земля как будто вскипает — и на свет появляется странный чешуйчатый зверь, чуть больше ежа, с острым рыльцем. Это броненосец, «та-ту»; увидев опасность, он пытается скрыться — но зоологи были проворнее. Схваченный, он должен бы, как пишут в книгах, сразу свернуться в плотный бронированный шар — но почему-то не хочет этого делать, а яростно хрюкает, шипит и царапается когтистыми лапками. Он продолжает возмущаться даже в рюкзаке.

«Стреляйте, Никола!» Из густых ветвей внезапным водопадом валятся какие-то длинные, ловкие звери размером с крупную кошку. Острые, вытянутые носы, кольчатые, полосатые хвосты. Миг — и нет их, исчезли в кустарнике, лишь качаются ветки да грохочет по лесу эхо запоздалого выстрела. Это — носухи, или коа-

Рисунок Б. Аникина

ти, родственники енотов, почти такие же быстрые, как обезьяны, — и такие же ловкие грабители птичьих гнезд.

Что же до обезьян, то они носятся в верхних этажах леса. То и дело из листвы выглядывает любопытная мордочка капуцина или раздастся утробный, урчащий вопль компании ревунов, соревнующихся кто кого перекричит. Иногда в бинокль удастся подсмотреть, как эти темно-бурые, бородатые вокалисты, сидя на ветке (а то и болтаясь на ней вниз головой), орут, раздувая свои огромные горловые мешки.

Около полудня от встречных пастухов зоологи узнали, что поблизости через лес идут муравьи-убийцы. На это надо обязательно посмотреть! Конечно же, речь идет об эцито-нах, муравьях-кочевниках, о которых пишут все исследователи природы Южной Америки.

Муравьев можно было заметить издали по отчаянному шуму, поднятому птицами. Это действительно выглядело внушительно — земля как будто шевелилась: муравьи покрывали ее плотным живым одеялом, усеивали ветки попадавшихся им на пути кустарников и де-

ревьев. Они медленно двигались темной живой волной; по краям — солдаты с огромными кривыми челюстями, обшаривающие все ямки и щели, гнилые стволы и гнезда. В глубине, под их защитой, — самки и несущие личинок и куколок рабочие. Они маршировали, не обращая внимания на то, что перед их фронтом скопилась масса птиц — дятлов, древолазов и даже мелких ястребов, которые хватили и самих муравьев, и вспугнутых ими насекомых. В воздухе стоял тяжелый запах, пахло как будто тухлятиной.

Такая же армия посетила ранчо зоологов дня три назад; они сидели и попивали вечерний кофе, когда их поразил какой-то странный шелест и незнакомый, неприятный запах. Комната была заполнена муравьями, они вливались струями через дверь, через щели, разбегались по стенам, падали с балок. Они кишели в коробках с коллекциями, открытых для просушки...

Костер еще горел. Стрельников, схватив ведро, черпнул им золу и угли — и широким взмахом, как воду, выплеснул на пол хижины. Танасийчук кидал пылающие ветви на пути колонны; муравьи засуетились, начали обтекать пламя — через минуту огненное кольцо окружило всю хижину. Задышавшись от дыма, зоологи били огненными метелками по стенам, по столу; муравьи не оставались в долгу, вцеплялись в руки, добываясь до лица. Когда же муравьи были изгнаны — выяснилось, что действовали они «не по науке». В книгах говорилось, что эцитоны поедают только ту добычу, которую убивают сами — а тут они изрядно погрызли те коллекции, до которых успели добраться. С этого времени пришлось подвешивать коробки и ящики под потолком на смазанных керосином шнурах и проволоках.

Пока зоологи воевали с муравьями, охотились на оленей и кайманов, собирали огромных и ярких тропических бабочек — верстах в полтораста к югу происходили другие, весьма драматические события.

К тому времени этнографы успели поработать у нескольких индейских племен, Гейман отделился — чтобы путешествовать в одиночку, а Манизер и Фиельструп встретились с индейцами племени шавантов.

...Это были невысокие, робкие люди, которые всего три года назад узнали об употреблении одежды. У них не было деревень, они постоянно были в пути — это охотники, отыскивающие дичь и острый, необыкновенно душистый дикий мед, который собирают маленькие, не умеющие жалить черные пчелы. Язык шавантов по богатству интонаций и сложности звуков можно было сравнить с птичьим пением, и записывать его слова было непросто. Однако за неделю, проведенную с индейцами, Манизер все-таки составил небольшой словарик. Это была удачная неделя — удалось выменять немало утвари, сделать зарисовки «парадной» раскраски, узнать кое-что о мифологии этих пугливых детей леса. И вот, нагруженные коллекциями, усталые и счастливые, этнографы выбрались на берег реки Парагвай. Дней через десять должен был проплыть пароход — но путешественникам не хотелось терять время. Недолго думая, они купили два выдолбленных каноэ, связали их веревками — так что получился катамаран, нагрузили его своим багажом и оттолкнулись от берега.

Река была безлюдна — но зато кишела живностью. В ветвях распевали свои арии ревуны, на берегу бродили важные аисты с черными головами и красными шеями, плосконосые колпицы; белыми изваяниями стояли недвижные цапли, кучками толпились бакланы, то и дело взмывали тучи уток. Рыбы в реке было так много, что порой весло ударяло по плывущей мимо рыбине, и она с бурным всплеском уходила вглубь.

Второй день пути. Безветрие и зеркальная вода — и так соблазнительно выбраться на середину реки, на быстрое течение. Задул легкий веторок, набежала тучка — но уплыла — и снова тишина, и быстро

уходят назад берега, и слышен только плеск капель, падающих с весел.

Но внезапно в природе что-то случилось. Тугой стеной ударил холодный ветер, вода из темной стала рыжей и пенистой, берега скрылись за ливнем, и внезапно выросшие волны стали колотить по низким челнокам. Надо грести к берегу — но тогда волны бьют о борт, перехлестывают через него. Плыть по ветру — не лучше, вода вкатывается через корму. Лодки вертятся на месте, воеет ветер, гремит гром — чтобы услышать друг друга, нужно кричать. Ни земли, ни неба — кипящая вода вокруг. И тут приходит самая большая волна и как-то мягко, неслышно перекачивается через лодку, и путники уже сидят по пояс в воде. Они пытаются перелезть в другую лодку, но набегающая волна — все сооружение переворачивается. Вынырнув и схватившись за борт, Манизер видит с другой стороны голову спутника, ее то и дело покрывают волны.

— Жив, Федя?

— Держусь...

Рядом на волнах качаются индейские горшки и корзины, гамаки и луки, футляр с биноклем, листочки словаря языка шавантов и ныряющие, как кораблики, башмаки Фиельструпа. Постепенно расстояние между предметами увеличивается, башмаки тонут, а сами лодки начинают расходиться в стороны — лопнули крепления. Надо спасаться, надо плыть к берегу, толкая тяжелые, непослушные однодревки. Правый берег постепенно приближается, и вот наконец мель, под ногами чавкает ил и трещат стебли тростника, и можно лечь — прямо в грязь, и лежать, и чувствовать — живы...

Ночь провели, прижавшись друг к другу, под опрокинутой лодкой. Совсем рядом, в метре, утробно ревел кайман. Даже отогнать его было нечем — весла уплыли вместе с башмаками. Но бог с ними, башмаками — погибли результаты месяца работы. Надо начи-

нать все сначала. Добраться до Асунсьона — столицы Парагвая, закупить лесной валюты — зеркал, ножей и бисера — и снова идти к индейцам.

Не шесть месяцев, а полтора года продолжалась одиссея молодых исследователей. Это была не увеселительная поездка — почти без денег, нередко оборванные и голодные, они упрямо работали, забираясь в далекие, совсем неисследованные уголки континента. Зоологи странствовали по лесам Гран-Чако, жили то у индейцев каа-ы-ва, то в маленькой научной колонии недалеко от громадных водопадов Игуасу. Гейман карабкался через перевалы Анд, чтобы попасть к арауканам — народу, до середины XIX века сохранившему свою независимость. Манизер много месяцев провел у ботокудов — индейцев, вдевающих в нижнюю губу огромный деревянный диск — боток, а Фиельструп на парусном судне проплыл вокруг всей Южной Америки. Только в конце пятнадцатого года путешественники вернулись на родину, привезя с собой больше ста пудов коллекций. Ученые из этнографического и зоологического музеев, просмотрев их, увидели, что работа проведена совсем не на студенческом уровне, что собраны богатые и разнообразные материалы, очень нужные для музеев. Успешное возвращение путешественников стало сенсацией — о них писали газеты, Географическое общество наградило их серебряными медалями.

Много лет прошло с той поры — а в витринах Этнографического музея все стоят собранные ими луки, плетеные корзинки, амулеты, странные деревянные диски — ботоки. А в хранилищах Зоологического института Академии наук СССР среди многих миллионов насекомых, рыб, змей и птиц, собранных во всех частях света, заботливо собираются материалы с этикетками, говорящими о далеких и трудных странствиях: «Гран-Чако», «Игуасу», «Рио Парагвай».

В. ТАНАСИЙЧУК

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

**Премии журнала «Костер»,
установленные ЦК ВЛКСМ
за лучшие произведения,
напечатанные в журнале в 1982 году,**

ПРИСУЖДЕНЫ

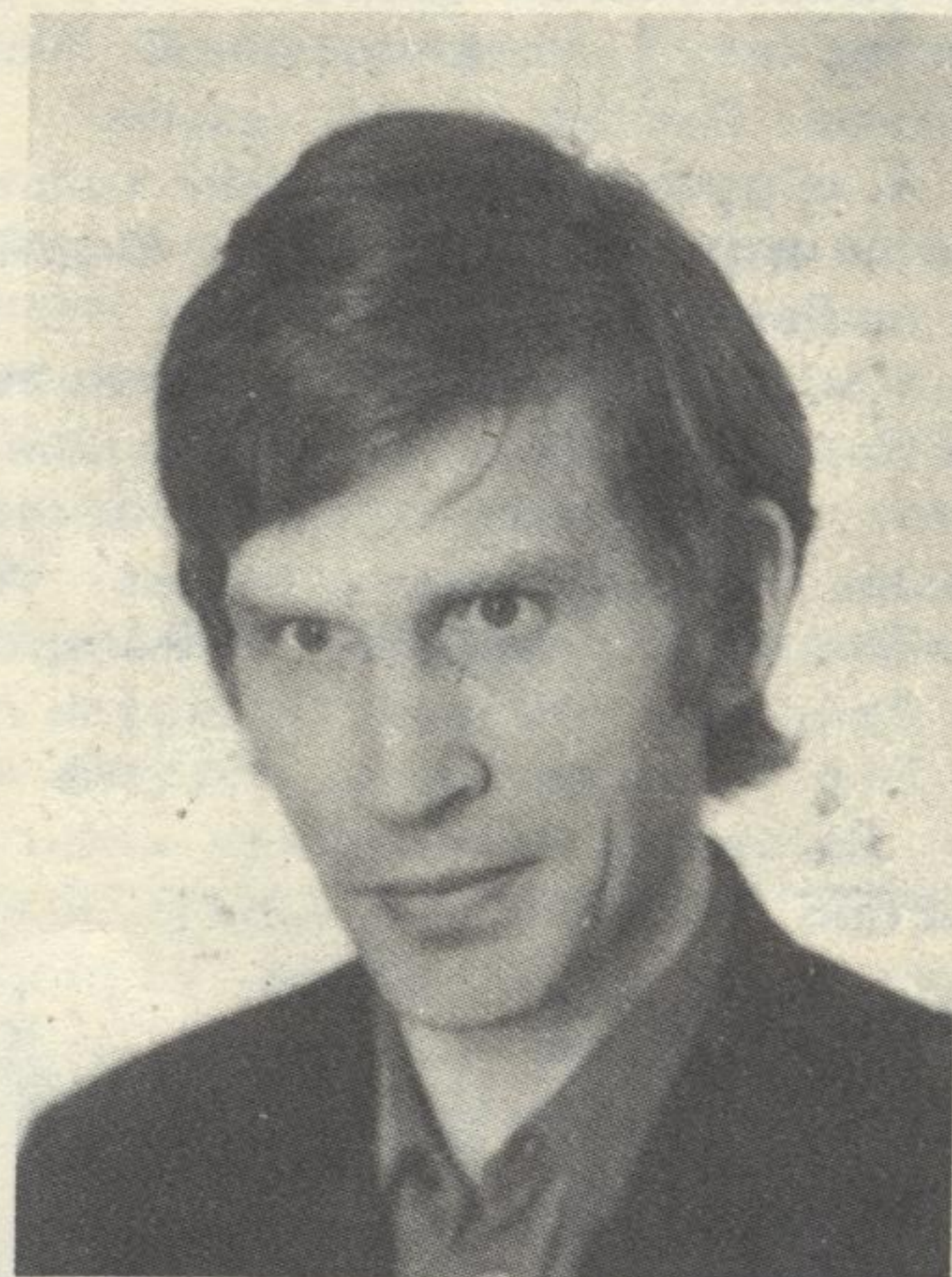
ВЕРЕЩАГИНУ Дмитрию (Москва) за главы из повести «Большая улица», опубликованные в №№ 4, 6, 7,

ФАДЕЕВОЙ Людмиле (Колпино) за стихотворения: «Веселые стихи», «Окружающая среда», «На торжественной линейке», «О красоте», «Продленный день», опубликованные в №№ 5, 8, 9.

ТОПКОВУ Валерию (Ленинград) за обложки «Костра» №№ 6, 9 и иллюстрации к рассказам А. Белинского «Алеша» в № 5 и Н. Сладкова «Рассказы о природе» в № 8.

ВЕРЕЩАГИН Дмитрий Иванович родился в 1940 году в деревне Ильмино Пензенской области. Работал лесником, рабочим сцены в Большом театре в Москве. Учился в Пензенском художественном училище и в Литературном институте им. А. М. Горького. Печатался в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Сельская молодежь» и «Литературная учеба». В «Костре» начал печататься в 1981 году — рассказ «Первая учительница».

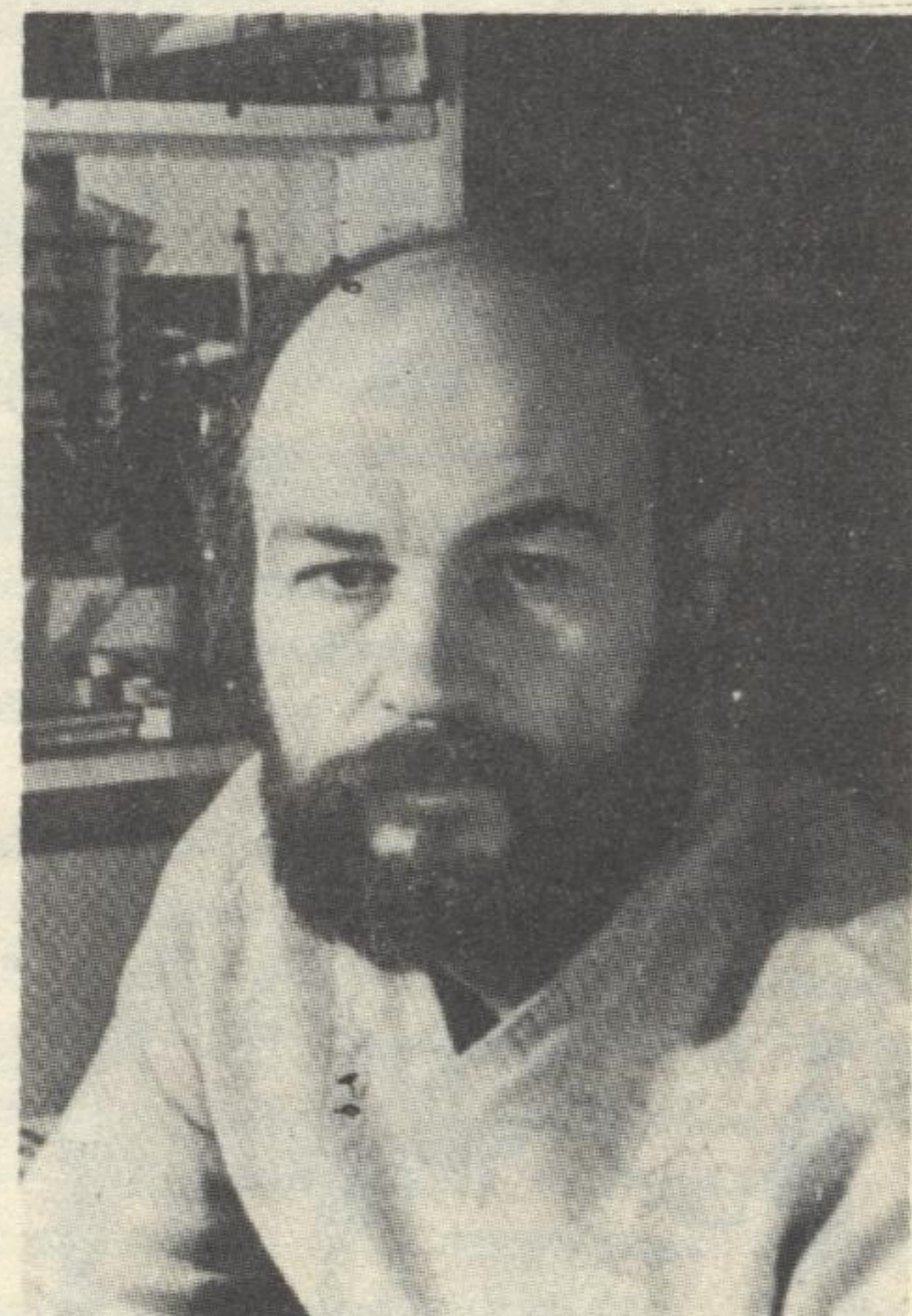
В Москве, в издательстве «Детская литература» выходит его первая книга.

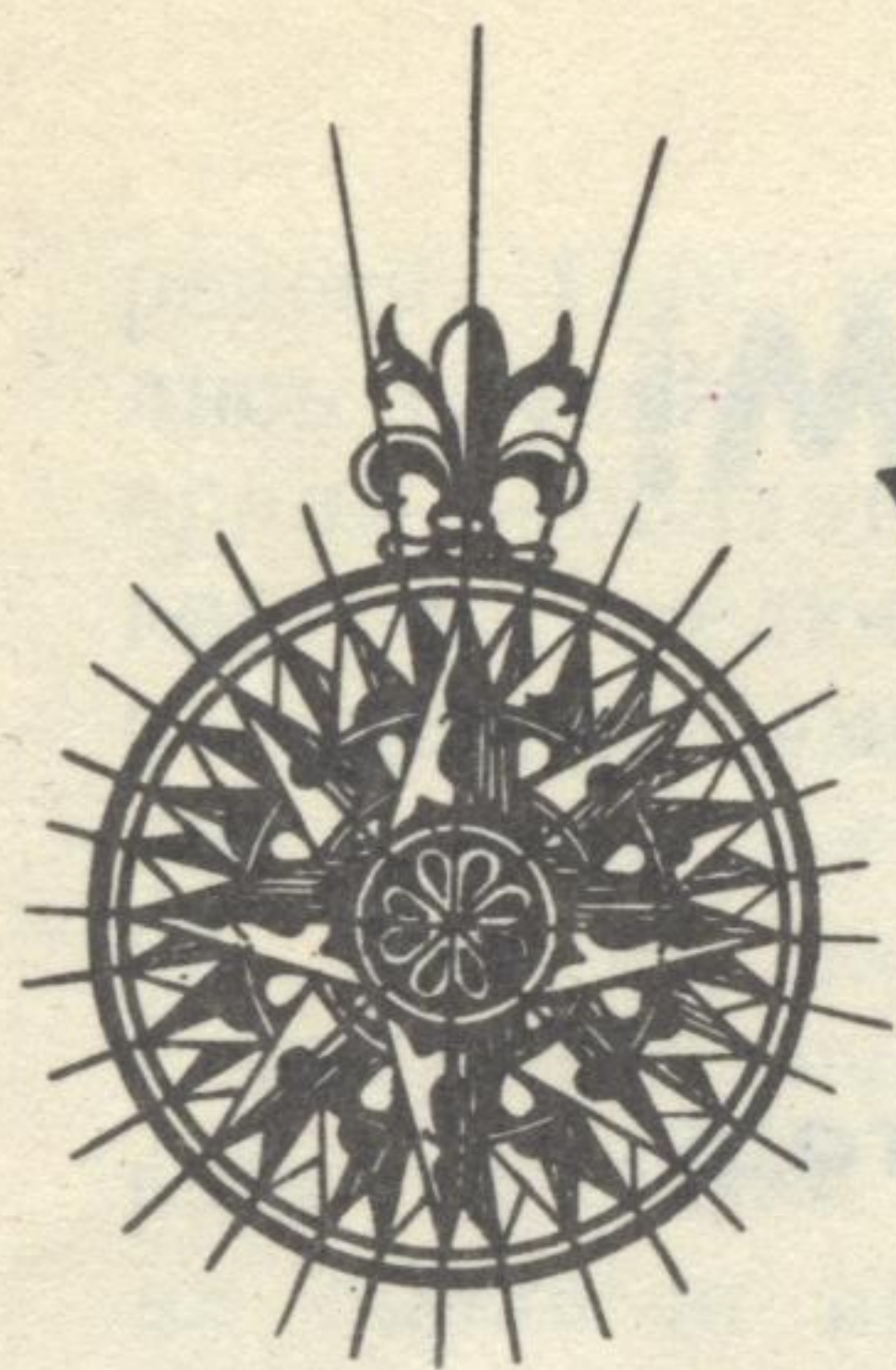

ТОПКОВ Валерий Александрович — ленинградец. Родился в 1947 году. Окончил среднюю художественную школу, затем Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Как художник-график работает в издательствах Москвы и Ленинграда. Участник всесоюзных и международных выставок.

ФАДЕЕВА Людмила Леонидовна — по профессии учительница рисования и черчения. Работала в сельской школе Кемеровской области. Там в местном издательстве вышла и ее первая книга стихов для детей — «Подсолнушек». Печаталась в журналах: «Мурзилка», «Искорка», «Пионер», «Костер». В 1984 году издательство «Детская литература» выпустит ее новую книгу — «Будем слушать тишину».

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 27-й

Верблюды в Роттердаме

Я раньше думал, что самая интересная книга на судне — вахтенный журнал. Там ведь все записано: и где побывали и кого встречали. И где в шторм попадали. И где якорь бросали...

И еще — лоция. Тоже очень интересная книга. В лоции и берега описываются, и где какое дно — песок ли, ил или цельная скала, и каких подводных камней нужно бояться, и где какие маяки светят темной ночью...

А недавно на теплоходе «Инженер Мачульский» попала мне на глаза еще одна удивительная книга — «Грузовая».

Листал ее вместе со мной второй помощник капитана Евгений Михайлович Коротков. Листал и рассказывал:

— В «Грузовой книге» не только география наших рейсов видна, но и наша работа: что и куда возили... Видите запись? Из порта Мальмё в Швеции доставлена в Ленинград гостиница.

— Какая гостиница? — спрашиваю я. — Дом что ли?

— Конечно. Многоэтажный дом. От винтиков и гвоздиков и до быстроходных лифтов. Гостиница, сами понимаете, в разобранном виде... В Ленинграде ее собрали, и гостиница украшает город, и в ней размещаются сотни приезжих.

— Очень, — говорю, — интересно. А это о чем запись?

— Рейс из Гамбурга. Привезли грузовики «Магирус» для БАМа... Это — одежду... Это — телевизоры... А это — наоборот из СССР груз — в Южную Америку. Легковые автомобили «Жигули»...

Листаю я «Грузовую книгу» и верно: все понятно — куда ходили, что везли. Мешки кофе из Эквадора, из порта Гуаякиль в Ленинград. Легковушки «Лада» из Ленинграда в Картахену, в Колумбию. И вдруг вижу написано: «Верблюды в Роттердаме»...

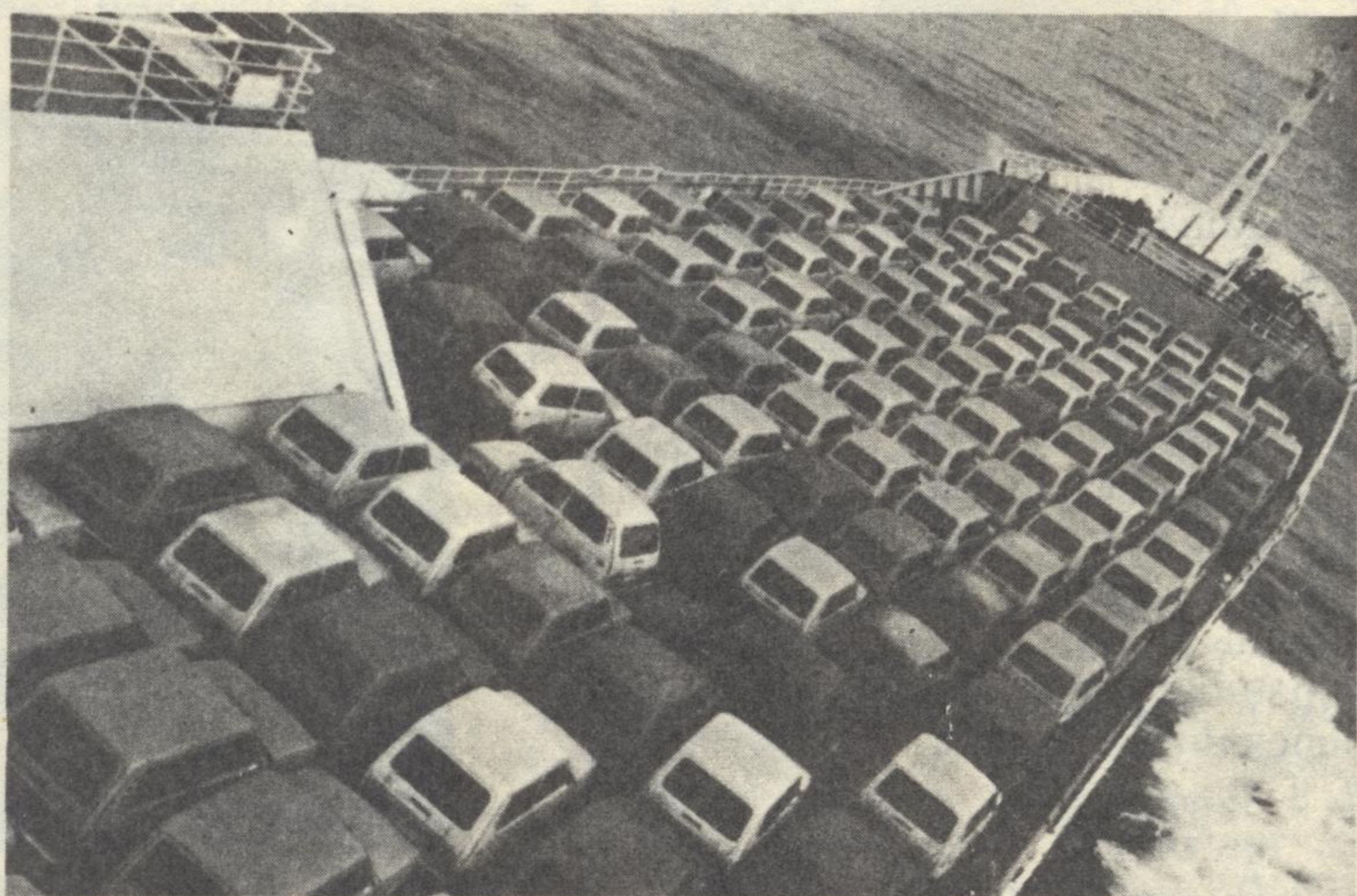
— Верблюды?!

— Конечно. Самый трудный рейс был. Самый капризный груз... Мешки или ящики — что, погрузили и поехали. А с верблюдами — было хлопот! Это были дикие животные из степей Казахстана. А доставить их нужно было в Роттердамский зоопарк через два моря, Балтийское и Северное, в Голландию. Если пить каждый день верблюдам и необязательно, то всех их нужно кормить, но главное — успокаивать во время качки. А то от страха верблюды взбесятся и перекалечат друг друга. Верблюды же, которых мы везли, были редкие и дорогие, ни одного нельзя было потерять... Хорошо, боцман у нас очень любит животных. Не отходил от верблюдов, кормил их, успокаивал. Они так к нашему боцману привыкли, что брали к концу рейса корм из его рук. А больше никого не подпускали... Пришлось по прибытии в Роттердам откомандировать боцмана с верблюдами до самого зоопарка. Всех довезли благополучно...

Олег ОРЛОВ

Второй помощник капитана
теплохода «Инженер Мачульский»
Евгений Михайлович Коротков

Груз для Южной Америки

В нашем городе Салавате открыт памятник морякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и зажжен Вечный огонь. Памятник — это катер. Он установлен на постаменте. К памятнику часто приходят пионеры.

Тимур Давыдов,
6 класс

„ВАНЬКИ-ВСТАНЬКИ“

Удивительные спасательные лодки придумали английские судостроители: как бы их не пытались переворачивать морские волны, лодки принимают прежнее положение.

А небольшие корабли задуманы еще хитрее. Получит такой корабль пробоину, скажем, в правом борту, он тотчас быстро начинает крениться на левый, пока не перестанет в пробоину поступать вода. Как только пробоину заделают, корабль встанет на ровный киль как ни в чем ни бывало...

Настоящие «ваньки-встаньки».

Если ты хочешь научиться строить маленькие парусные корабли-швертботы и яхты, если ты хочешь научиться управлять ими, ремонтировать, оснащать, шить паруса, знать названия частей корпуса, рангоута, такелажа — непременно спроси в библиотеке эту книгу. Она так и называется — «Пионерская судоверфь». Выпустило в свет книгу издательство «Молодая гвардия». В книге много красочных точных рисунков и чертежей.

С. ЮРЬЕВ

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

В ДАЛЬНОМ ПЛАВАНЬЕ. Коля Владимиров, Чебоксары

НАША ВИКТОРИНА

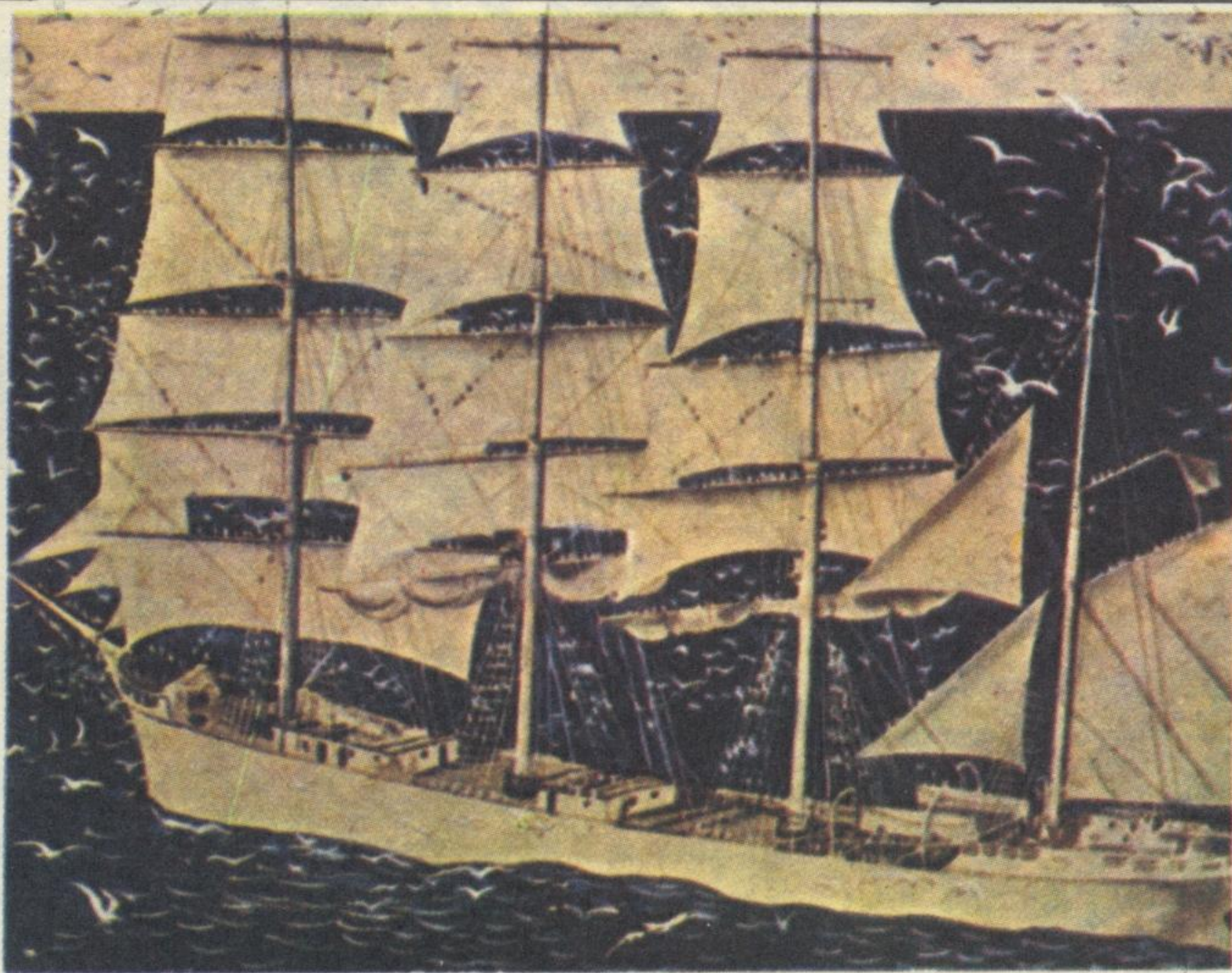
Чего только не увидишь в морях-океанах! Каких только морских животных не встретишь! Каких удивительных кораблей не повидаешь! Каких историй не слушаешься...

«Морская газета» предлагает читателям — «Морскую викторину».

А ну-ка, знатоки моря, за дело! В каждом выпуске вас ждут три вопроса. За правильный ответ — одно очко, за хороший рисунок к ответу — еще полочка. Ждем! Призы победителям — книги о море, морские карты и лоции. Ответы присылайте по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская ул., 1/20, «Костер», «Морская викторина-83», Капитану Быстроходову.

ВОПРОСЫ:

1. Какой аппарат для исследования глубин можно назвать «подводным дирижаблем»?
2. Какой червь может поспорить с китом длиной?
3. Кто дышит одной ноздрей?

Флаг с созвездием Персея, придуманный Голицыным для научно-исследовательского судна «Персей».

МОРЯК И ХУДОЖНИК

Было это после гражданской войны. Из Архангельского порта в северные моря вышло научно-исследовательское судно. Среди научных сотрудников был один высокий, молодой, красивый.

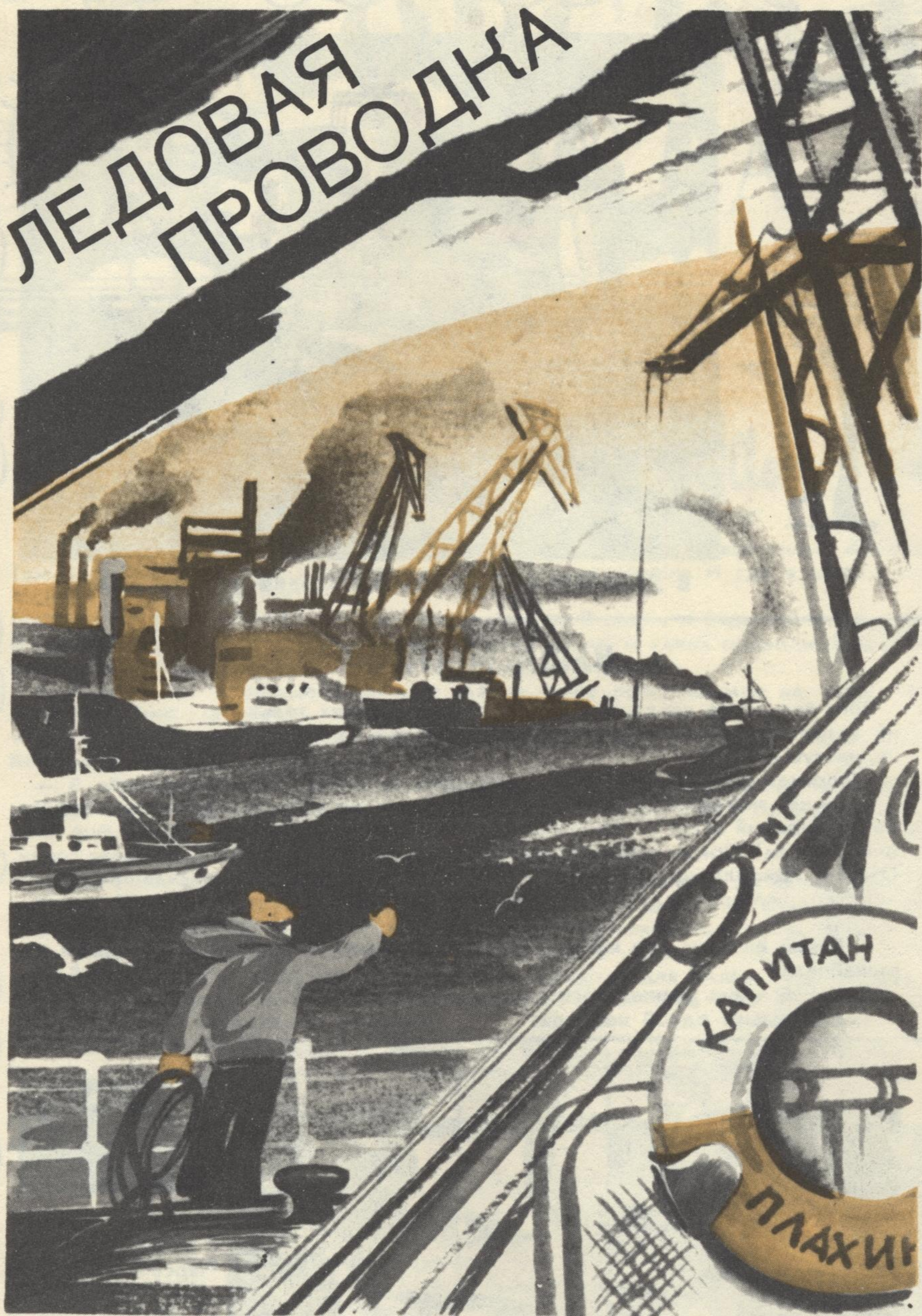
За многие месяцы рейса все полюбили его. Во-первых, он отлично работал, знал и как сплести снасть и как починить судно. Он никогда не пасовал перед трудностями и не боялся опасностей. А кроме того был отличным рассказчиком и хорошо рисовал. Рисовал он в любую свободную минуту — море, корабли, моряков, льды, острова, охотников на морского зверя... И глядя на его рисунки, моряки понимали: они видят произведения искусства...

Владимир Голицын и был настоящим художником. А в плаванье он ходил, чтобы еще лучше узнать море и корабли, которые очень любил.

«Морская газета» печатает один из рисунков художника.

Р. ПОПОВ

ЛЕДОВАЯ ПРОВОДКА

Теплоход торопился выйти в Ладожское озеро. Его капитан недовольно попыхивал трубкой: что за невезение! — рано ударили морозы, сковали льдом реки и каналы... Надолго застряли. И вдруг приглашают капитана к диспетчеру:

— Готовьтесь отдать швартовы и выйти к приемному бую.

— Как же я пройду? — У капитана от удивления даже трубка изо рта выпала. — Лед ведь кругом!

А ему отвечают:

— Вам «Капитан Плахин»

поможет. Доведет в порт назначения.

Ждали-ждали, наверное, на судне неведомого капитана, но на палубу так никто и не поднялся. А появился впереди белоснежный корабль с толстым, косо срезанным носом. Давит мощной грудью, раздвигает огромные льдины. А на борту написано: «Капитан Плахин».

Вот уже пять лет «Капитан Плахин» прокладывает маршруты по зимней Неве, Ладоге, Онеге для своих братьев — речных грузовых судов. Но без людей и самый могучий ледо-

кол не расколется даже маленькой льдины.

Работает на «Плахине» маленькая, но очень дружная команда.

— Экипаж мы подбирали по всему пароходству, — рассказывает капитан Игорь Федорович Ёрохов. — И не просчитались. Команда свое дело знает. Экипаж ледокола в ответе не только за себя, но и за судно, которое он ведет. Чуть замешкался — беда! Случайному человеку наша работа не по плечу. Потому и нет у нас людей случайных.

— Что такое наш ледокол? Дизель-электроход, — рассказывает старший механик судна Валентин Евгеньевич Купорт. — Идем через лед — трясет, как телегу на плохой дороге. Все механизмы того и гляди разболтаются, приходится там подкручивать, здесь подтягивать... Но нам это не страшно. Механик на судне и токарь, и сварщик, и слесарь, и газорезчик. У нас и станки, и все инструменты...

Валентин Евгеньевич на флоте сорок лет. Двенадцатилетним мальчишкой начал службу в школе юнг. Во время войны был кочегаром боевого корабля. С изумлением смотрели

тогда взрослые мотористы на щуплого подростка: по две-три вахты отстаивал мальчишка у топки:

— Сейчас на судах комфорт! Разве сравнишь, — говорит Валентин Евгеньевич. — Да и люди куда грамотнее, любят технику. Один хочет стать капитаном, другой — механиком. Я людей в машину выбираю не по умению, а по желанию. Желание есть — выучится!

На корабле всему голова — капитан. Только капитанами сразу не становятся. Любой капитан начинается с матроса, с черновой работы — приборки палубы, кают, со знаменитых морских узлов и с... дисциплины.

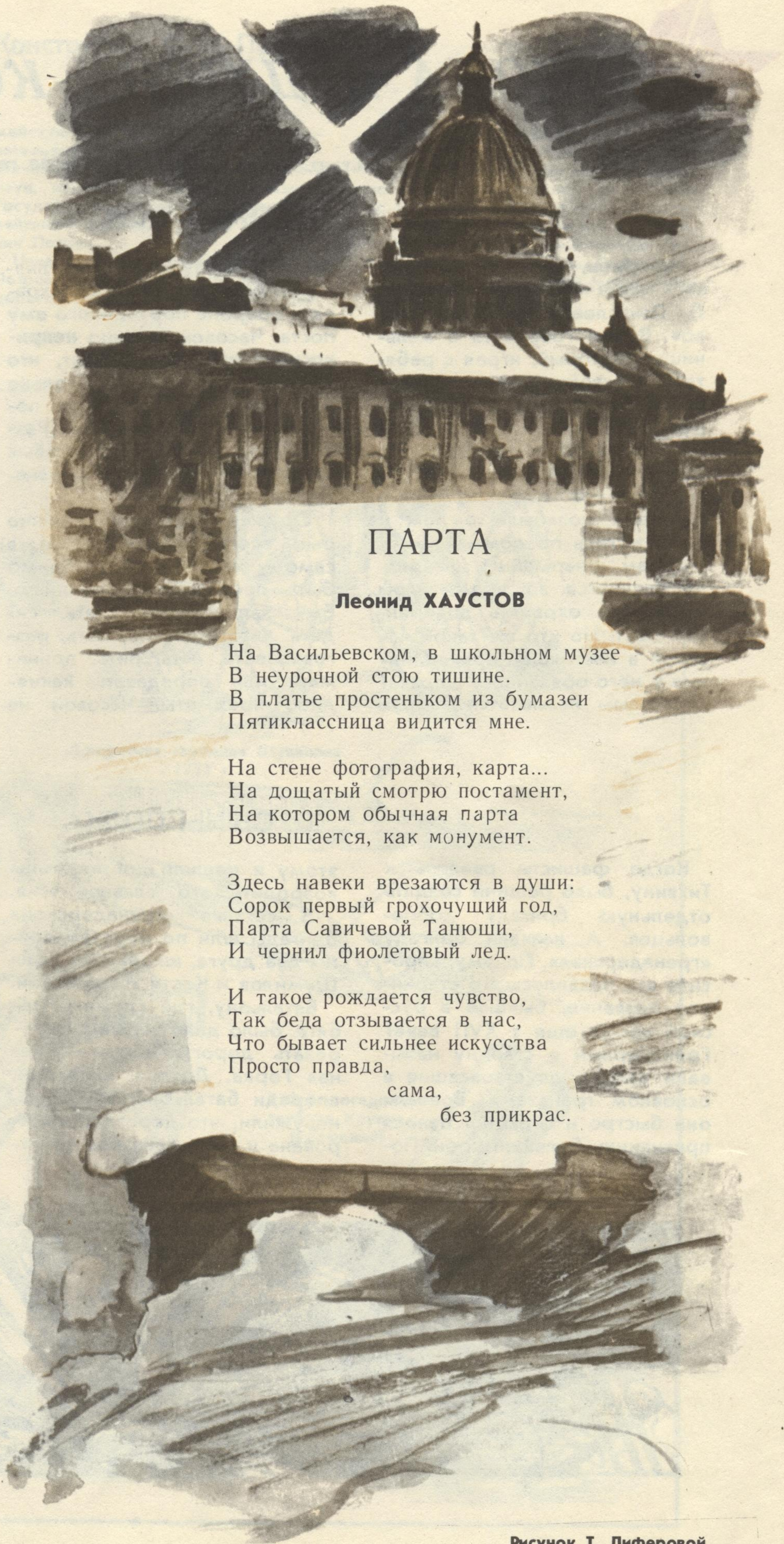
— В Липецкой области, где я родился, ни рек, ни озер, — говорит о себе рулевой Вячеслав Бородин. — В Ленинграде увидел первое судно. И вот я — моряк. Многим покажется странным, но на ледоколе мне больше всего нравится — порядок. Ведешь судно, и от тебя зависят и труд, и безопасность многих.

— Каждый из нас готов прийти на помощь другому, — подтверждает капитан Ерохов. — А сам капитан отвечает буквально за все, поэтому приказы мои выполняются беспрекословно. Очень часто ребята из речных училищ, ПТУ замечают лишь «лицо корабля» — красиво, чисто, все блестит! А ведь для того, чтобы судно заблестело, нужна чертовская черновая работа, зачастую грязная, неблагодарная. Но зато если ты на судне любую работу выполняешь на совесть, значит ты настоящий моряк!

Откуда название судна? Пантелеймон Андреевич Плахин пришел на флот еще до революции. В Великую Отечественную стал лучшим капитаном Обь-Иртышского пароходства, водил по рекам большегрузные плоты. Дважды был награжден орденами Ленина.

И вот теперь, много-много лет спустя, все так же ведет за собой суда по рекам и озерам «Капитан Плахин».

Н. ШВЕДОВА
Р. GERMANOV

ПАРТА

Леонид ХАУСТОВ

На Васильевском, в школьном музее
В неурочной стою тишине.
В платье простеньком из бумазеи
Пятиклассница видится мне.

На стене фотография, карта...
На дощатый смотрю постамент,
На котором обычная парта
Возвышается, как монумент.

Здесь навеки врезаются в души:
Сорок первый грохочущий год,
Парта Савичевой Танюши,
И чернил фиолетовый лед.

И такое рождается чувство,
Так беда отзывается в нас,
Что бывает сильнее искусства
Просто правда,

сама,

без прикрас.

Рисунок Т. Лиферовой

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

ЧАСОВОЙ

Наверное, все хорошо помнят замечательный рассказ Л. Пантелеева «Честное слово». В нем говорится о мальчишке, который, играя с ребятами в «войну», дал честное слово не уходить с доверенного ему поста. И маленький часовой крепко держал это слово, держал, несмотря на то, что его легкомысленные приятели позабыли о нем и разбежались по домам.

И вам, юнармейцы, наверняка случается во время игры «Зарница» охранять доверенный пост. Но кто же такой часовой в настоящей армии? Какие у него обязанности, права? Часовым называется воору-

женный караульный, выполняющий боевую задачу по охране и обороне порученного ему поста. Часовой — лицо **неприкосновенное**. Это значит, что часовой подчиняется только начальнику караула, его помощнику и разводящему. (Разводящий выставляет часовых на посты и сменяет их в назначенное время).

Оружие часового должно быть всегда готово к бою, а самому часовому необходимо быть предельно бдительным. Ему запрещается спать, сидеть, читать, писать, петь, разговаривать, есть, пить, принимать или передавать какие-либо предметы. Часовой не

имеет права никому отдавать свое оружие, даже тем лицам, которым он подчинен.

Если к посту кто-то приближается (кроме начальника караула, его помощника и разводящего), часовой останавливает его окриком «Стойте, назад!» или «Стойте, обойдите вправо! (влево)». Если требование не выполняется, часовой предупреждает окриком: «Стойте, стрелять буду!», и в случае невыполнения дает предупредительный выстрел вверх.

Караульная служба похожа на боевую оборону, где солдат отстаивает свою позицию до последнего дыхания, не щадя даже жизни.

СЫНЫ ПОЛКА

Когда фашисты рвались к Тихвину, было решено создать отдельную бригаду добровольцев. А назвали бригаду «гренадерская». Почему, спросите вы, появилось это старинное название, бывшее в русской армии еще в XVII веке? Гренадерами в старину называли войска, действовавшие в основном гранатами. Воевали они быстро и скрытно, нанося противнику большой урон. По-

этому и решили добровольцы возродить это славное имя.

В составе «гренадерской» бригады шли по дорогам войны два друга, школьники Коля Шумилов и Костя Нюрговский.

Батальону, где служили ребята, было дано задание перерезать дорогу Тихвин — Липная Горка. Друзья, шагавшие впереди батальона, вдруг обнаружили, что дорога заминирована и что через нее тянут-

ся провода к огромному складу авиабомб. Батальон был уже в нескольких шагах, и бомбы могли вот-вот начать взрываться. Тогда Костя, с криком: «Стойте!», выскочил к колонне. Коля в это время, утопая в глубоком снегу, обрывал провода. И в эту секунду огромной силы взрыв потряс землю.

Ребята, спасая товарищей, погибли.

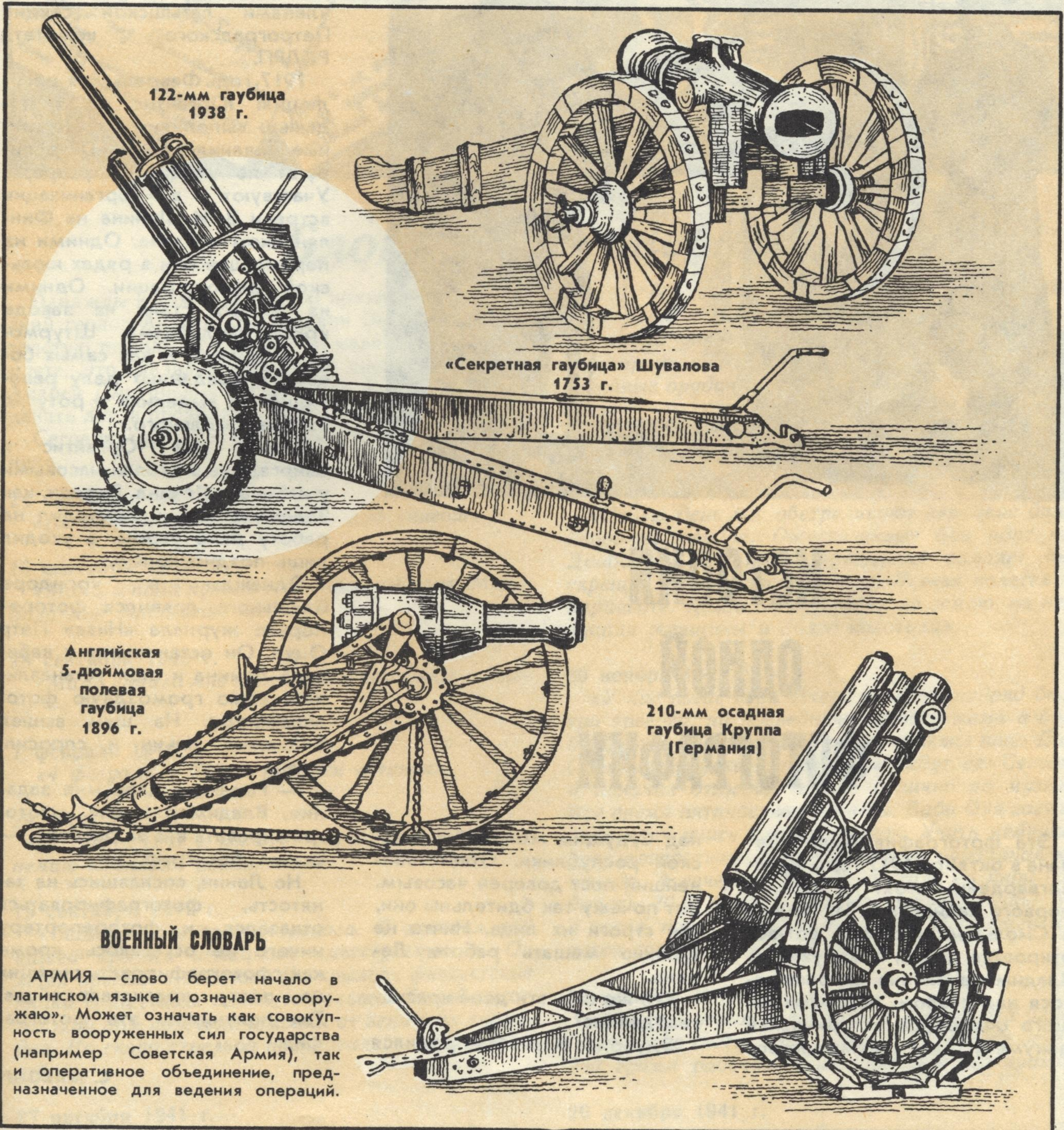
Конструктор Ф. Ф. Петров

Все знают о легендарном подвиге панфиловской дивизии, насмерть стоявшей на подступах к Москве в 1941 году. На вооружении дивизии была 122-миллиметровая гаубица образца 1938 года. Мы не ошибемся, назвав это орудие совершенным в своем роде. И вот тому доказательство: даже сейчас, почти полвека спустя, гаубица продолжает свою ар-

мейскую службу. А создал это замечательное орудие Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, лауреат Ленинской и четырех Государственных премий генерал-лейтенант инженер Федор Федорович Петров.

Начал свою трудовую жизнь Ф. Ф. Петров чернорабочим на железной дороге. Потом учеба в Ленинград-

ском политехническом институте, конструкторская работа. Петров создал первые советские образцы дальнобойной артиллерии, разработал оригинальную гаубицу-пушку, которая соединяла свойства той и другой. А про его 122-миллиметровую гаубицу маршал артиллерии Г. Ф. Одинцов сказал: «Лучше этой гаубицы уже ничего не может быть».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Эта фотография была сделана в октябре 1917 года. Красногвардейцы стоят на посту у первого кабинета В. И. Ленина в Смольном. Кажется, вот-вот откроется дверь, и мы увидим Владимира Ильича, склонившегося над столом, подписывающего очередной исторический документ или задумавшегося

над будущим молодой Советской республики. Ответственный пост доверен часовым. Вот почему так бдительны они, так строги их лица. Ничто не должно мешать работе Ленина.

Кто же они, эти двое красногвардейцев?

Эдуардас Юргайтис родился

в Литве. В поисках работы он приехал в Латвию и устроился в портовом городе Вентспилсе. Там же работал на стройках и Эдуардс Звиргздыньш. В мае 1910 года во время демонстрации портовых рабочих они познакомились и стали хорошими друзьями. Вместе участвовали в революционном движении. Вместе уехали в Питер и устроились на телефонно-телеграфный завод Лоренца. Здесь товарищи стали членами латышской секции Петроградского комитета РСДРП.

1917 год. Февральская революция. Юргайтис и Звиргздыньш выполняют ответственные задания партии. Патрулируют по улицам Петрограда. Участвуют в организации встречи В. И. Ленина на Финляндском вокзале. Одними из первых шли они в рядах июльской демонстрации. Одними из первых стали на заводе красногвардейцами. Штурмовали Зимний. И как самых боевых и преданных делу революции их выделили в роту по охране Смольного.

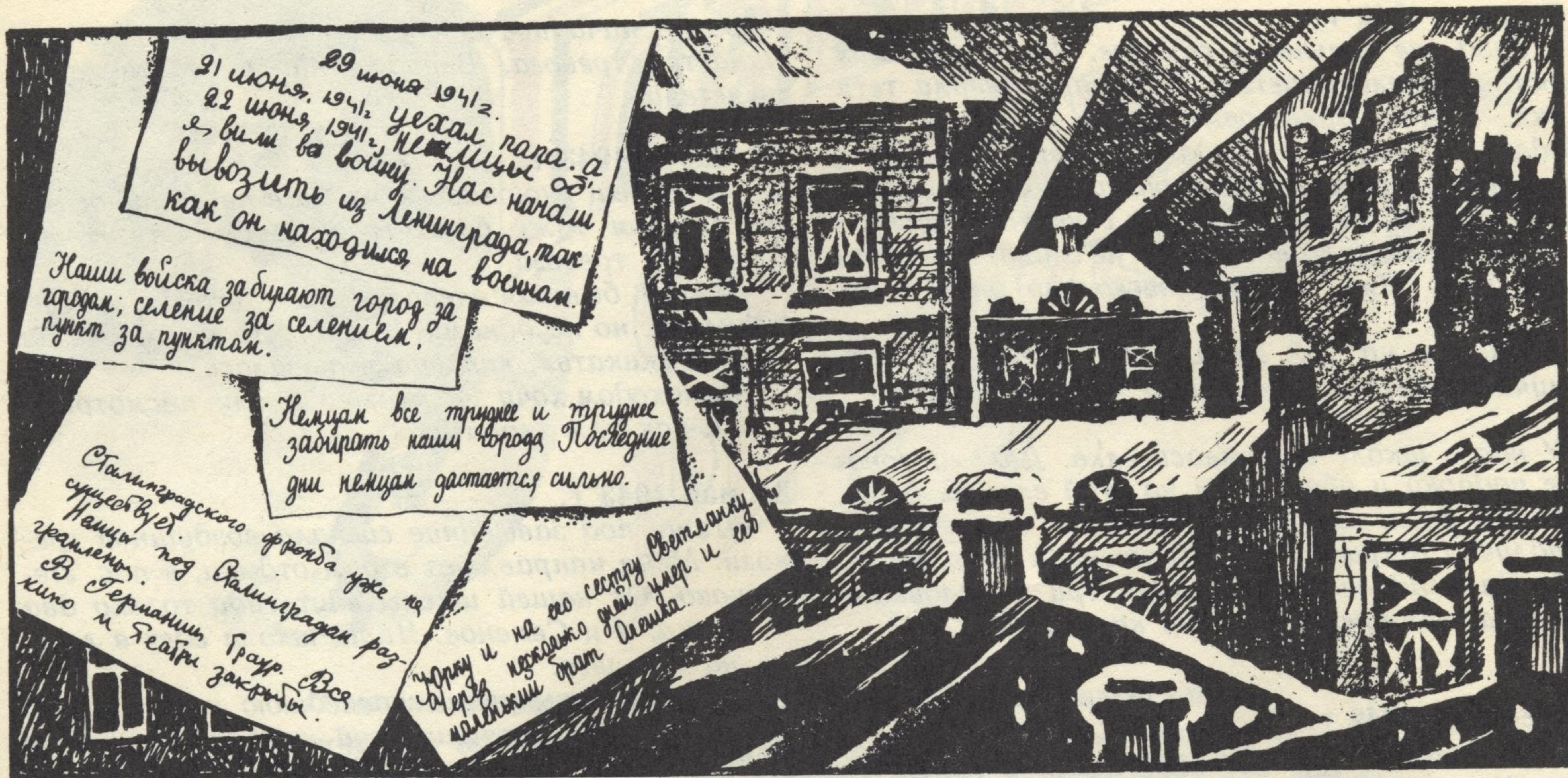
Много раз Юргайтис и Звиргздыньш стояли часовыми у кабинета Ленина. Видели, как Владимир Ильич приходил на работу рано утром, а уходил лишь поздно ночью.

Однажды в коридоре Смольного появился фоторепортер журнала «Нива» Петр Оцуп. Он остановился у кабинета Ленина и стал устанавливать свою громоздкую фотоаппаратуру. На шум вышел Владимир Ильич и спросил, в чем дело?

— Редакция дала мне задание, Владимир Ильич, сфотографировать вас за работой, — сказал фотограф.

Но Ленин, сославшись на занятость, фотографироваться отказался, и фоторепортеру ничего не оставалось, кроме как сфотографировать стоящих на посту красногвардейцев. Так получилась эта фотография.

С. МАХОТИН

Блокадный дневник

Однажды к нам в редакцию пришел ленинградский геолог Андрей Дмитриевич Быков и принес толстую тетрадь в потрепанном коленкоровом переплете. Это оказался блокадный дневник, который Андрей Дмитриевич начал вести, когда ему было девять лет, и продолжал делать записи всю войну.

Сегодня мы печатаем отрывки из этого дневника.

24 сентября 1940 г.

«Не наклоняйся к тетради и над книгой!»

25 сентября 1940 г.

«Мама и папа купили мне заводной танк. Мама дала мне давнишние медали».

28 сентября 1940 г.

«Мама купила мне переводные картинки и Олегу — тоже».

7 февраля 1941 г.

«4 февраля у Топки родился котенок».

29 июня 1941 г.

«21 июня 1941 г. уехал папа, а 22 июня 1941 г. немцы объявили войну...»

19 сентября 1941 г.

«Сегодня уже третья тревога. Я заметил над нашей крышей немецкого «мессершмитта». Он летел бреющим полетом. На крыльях фашистские знаки, а на самом самолете большой белый крест. На наш дом полетели осколки от зенитных снарядов. Но скоро стрельба прекратилась, и объявили отбой».

27 октября 1941 г.

«На фронте положение ухудшилось... Гитлер

бросил все свои силы на Москву. Тетя Нина учит меня и Олега музыке. Олег отказывается играть на рояле. Тетя Нина сказала, что я далеко продвинулся по музыке. День и ночь дальнобойные орудия бомбардируют Ленинград. Папа сказал, что когда мы вырастем, он купит мне велосипед, а Олегу ружье. Сегодня мама сказала, мы после войны поедem на Кавказ».

6 ноября 1941 г.

«Целый день нас обстреливают немецкие дальнобойные орудия. Ожесточенные бои идут под Донбассом. Однажды вражеский самолет был скрещен лучами прожекторов. Летчик полетел на парашюте. Когда он спустился на землю, на него напали женщины и долго колотили».

20 ноября 1941 г.

«У нас погас свет. Вчера вечером подряд было три тревоги, на последнюю тревогу мама в бомбоубежище не пошла. Сегодня приехал папа Дим. Он привез булки. Завтра нам дадут ее. Сегодня я получил отлично, первое отлично по музыке. Все время пятиминутные тревоги. Баба Оля заставляет меня учить немецкий урок. Учить немецкий урок препротивная штука! С утра орудийная канонада. А вечером тетя Нина стала со мной разбирать 20-й номер. Ужасно трудная вещь! Уж я потел, потел над этим номером! Под конец моя тетка совсем вышла из себя!»

12 декабря 1941 г.

«Сегодня утром я посмотрел в окно. На улице было много снега. Хлеб выдают: 125 грамм детям, 250 грамм рабочим и иждивенцам 125 грамм».

20 декабря 1941 г.

«17 декабря умерла Топка».

1 февраля 1942 г.

«Голод все сильнее и сильнее. Число умерших знакомых увеличивается. 27 января умерла тетя Женя. Роман Эрнестович ходит теперь к нам обедать и ужинать. Недавно умер отец Левы Кутина, хороший электромонтер. Лева Кутин с маленькой сестренкой Полли и с матерью эвакуировались в Любытино. Они и не знают о смерти отца. Умер Иля, а через несколько дней и его мать.

Несмотря на 250 грамм, которые мы теперь получаем, мрет все больше и больше народа.

У нас в школе состоялась елка. Давали хорошие подарки и обед... Мы на этой елке не были. Зато мы были на елке у тети Нины в институте. Я получил открытку с изображением трех медведей. На сладкое мы получили три с половиной пряника, немножко сушеной кураги...»

25 февраля 1942 г.

«Положение продовольствия улучшилось. Ко Дню Красной Армии должны были прибавить хлеба.

Все театры и кино закрыты. Водопровод не действует, канализация не действует. Освещение не действует. Ни одной кошки, ни одной собаки на улицах нет».

31 мая 1942 г.

«Мама прикрепил меня и Олега к школьной столовой. Там очень хорошо кормят. Три раза в день. Сегодня мы идем к папе на могилу».

14 февраля 1943 г.

«Дела на фронте улучшились: блокада Ленинграда прорвана. Войска Волховские и Ленинградские соединились. Сталинградского фронта уже не существует. Немцы под Сталинградом разгромлены. В Германии траур...

Каждый день я и Олег пилим большие бревна, чтобы натопить печку. Чтобы хоть немного отогнать голод, я и Олег ходим в кино».

23 февраля 1943 г.

«Сегодня 23 февраля 1943 года — день нашей Красной Армии.

Сегодня я на уроках плохо себя вел. Учительница Анастасия Васильевна три раза ставила меня посреди класса и один раз выгнала меня за дверь».

22 марта 1943 г.

«Был болен. Заболел я 10 марта, а когда поправлюсь, не знаю. Уже 12 дней прошло, как я был в постели. Ко мне приходила врач. Сказала, что у меня грипп. Вчера я первый раз решил встать и походить по комнате. У меня сейчас же поднялась температура 38,1°. Сегодня опять встал.

Опять начались бомбежки. Каждый вечер начинается тревога. Вчера у нас чуть стекла не вылетели».

23 марта 1943 г.

«Тревога. Канонады пока еще не слышно. Вчера вечером тоже была тревога. Сегодня ночью было три тревоги.

Доктор, бывшая вчера, сказала, что мне можно погулять, но не одному, потому что «он будет на голове скакать», как она выразилась.

Мимоходом хочу забежать в школу, посмотреть, что и как там творится».

31 мая 1943 г.

«Пишу под завывание сигнала воздушной тревоги. Меня направляют в дом отдыха, в пос. Левашово. От нашей школы едут туда только два человека, я и Семенов. Наша школа едет в лагерь на все лето.

Позавчера мы съели последнюю кашу. Вчера мы все трое оставили свой хлеб на вечерний ужин. Из этого хлеба мы сделали себе мулцовку. Баба Воля с тетей Ниной лежат в больницах.

Когда же, наконец, кончится эта проклятая война? Как она мне надоела!

Я перешел в 4-й класс и получил похвальную грамоту».

24 января 1944 г.

«Завтра я пойду в первый раз после болезни в школу. Сегодня вечером наши войска заняли г. Пушкин, или Царское Село. А потом еще овладели крупным железнодорожным пунктом обороны немцев г. Павловск.

Баба Воля стала меня практиковать по арифметике. Долго я с ней бился, но наконец я ее одолел и пошел домой. Ведь завтра в школу!»

31 января 1944 г.

«Наши войска после 12-дневных боев под Ленинградом, 27 января сняли всю вражескую блокаду города и отбросили немцев на 65—100 километров от Ленинграда. Полностью очищена от немцев основная магистраль Ленинград — Москва. На днях наши войска заняли Чудово и Любань. Недавно у нас в Ленинграде был салют из 324 орудий 24-мя залпами. Ровно в 8 часов вечера с кораблей, стоявших на якоре.

Как было красиво! Как днем, даже ярче. Я и Олег бросились на пристань. Вся Нева была освещена тысячами ярких ракет. Стреляли из пушек, пулеметов и пистолетов. Все небо было освещено прожекторами. В особенности стреляли с одного корабля, который стоял напротив нас на той стороне Невы. Его ракеты летели ввысь, и хоть бы одна из них упала бы на нашей стороне! Одна ракета летела прямо на меня. Я даже посторонился. Но, увы, эта ракета упала далеко от меня на лед Невы. Тогда я не знал еще, какой формы эти штучки. Наконец, салют кончился. Я и Олег пошли домой.

Больше никогда не будут немцы обстреливать Ленинград!!!»

ГЛАВНЫЙ СИЛАЧ РЕСПУБЛИКИ

О жизни выдающегося атлета-силача — Якубы Чеховского: случае на полковом плацу, подарке кронштадтским героям, главном секрете силы и последнем подвиге Якубы рассказывает его сын — Даниил Яковлевич Чеховской.

Рассказ комментирует Алексей Михайлович Петров — заслуженный мастер спорта СССР, рекордсмен мира по тяжелой атлетике.

Насколько я себя помню, я никогда не болел и всегда делал по утрам зарядку. К зарядке приучил меня отец. Авторитет его был в семье непререкаем — все, что он требовал, было для нас законом. И поэтому в детстве моими игрушками были гантели и эспандер, а мечта... мечта была одна — стать таким же сильным, как отец.

О фантастической силе Якова Авраамовича современники слагали легенды. Толпы восторженных почитателей ходили за ним по пятам. А падкие до сенсаций газетчики порой не могли разобраться, где — быль, а где — небыль, что они придумали сами, а что действительно имело место¹.

Я храню эти газетные вырезки, много лет собираю свиде-

¹ Так случилось, что долгие годы имя Якова Авраамовича Чеховского было незаслуженно забыто. И сегодняшние пионеры почти ничего о нем не знают. Но для нас, ветеранов спорта и представителей старшего поколения, это имя окружено особым ореолом. В первые и самые трудные годы Советской власти он был одним из организаторов нашего отечественного спорта, редактором единственного в стране спортивного издания — журнала «Атлет-борец», первым тренером и наставником многих молодых спортсменов, ставших потом чемпионами и рекордсменами.

тельства людей, близко знавших Якова Авраамовича, но рассказывать буду только о том, что видел своими глазами или слышал от него самого. И надеюсь, этого будет достаточно, чтобы не только удивить читателей «Костра», но и заставить их кое о чем задуматься.

В этом я вижу долг рассказчика и долг сына по отношению к своему отцу.

Родился Яков Чеховской в городе Гродно, в 1879 году, и еще будучи гимназистом выделялся среди своих сверстников феноменальными физическими данными. Товарищи его уважали. Юный силач всегда заступался за слабых, мог обратить в бегство компанию отпетых хулиганов, а на соревнованиях по перетягиванию каната один побеждал команду соседней гимназии.

Учился он хорошо, особенно увлекался историей и литературой. Мифы о героях Древней Греции и былины о русских богатырях не мог читать без волнения. И если ему говорили, что, может быть, все это выдумка и неправда, упрямо не соглашался: «Чему-чему, а этому верю. Были такие ребята, не могли не быть!»

Но вот гимназия окончена, а мечты об учебе в университете остаются мечтами — Чеховского забирают в армию. Но, как говорится, нет худа без добра: служить его направили в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, где физическая сила и мужество почитались превыше всего. Иных добродетелей гродненские гусары не признавали.

Так было во времена войны с Наполеоном, когда шеф гродненских гусар генерал Яков Петрович Кульнев — человек громадного роста и исключительной смелости, один обращал в бегство десятки врагов.

Так было и во время службы Якова Чеховского. Правда, это были мирные годы, и способ отличиться требовался другой. Молодой солдат нашел его без долгих раздумий: подняв на плечи лошадь вместе со всадником, он на глазах всего полка спокойно пронес их по широкому гарнизонному плацу. Такого гусары еще не видели!

А потом пришел день, и Чеховской стал знаменитым. И было это, по его словам, неожиданно-негаданно.

В город, где квартировал Гродненский полк, приехали

ГРАНДИОЗНОЕ

**НЕБЫВАЛОЕ
В ЭТОМ СЕЗОНЕ**

ГУЛЯНИЕ

**ПРИ УЧАСТИИ
ЗНАМЕНИТОГО
СИЛЧА**

**ЧТО БУДЕТ
ДЕЛАТЬ
ЧЕХОВСКОЙ?**

**ЧЕХОВСКОЙ БУДЕТ
БРОСАТЬ 6 2^х ПУДОВЫХ**

ГИРЬ И ЛОВИТЬ

**ИХ К СЕБЕ
НА ГРУДЬ**

**НА ОДИНОЙ
РУКЕ БУДЕТ
НОСИТЬ
6
ЧЕЛОВЕК**

**ЧЕЛОВЕК-
БАОВАВИ**

артисты цирка. Пестрые цирковые афиши заманчиво извещали горожан, что, кроме большого циркового представления, состоится открытый борцовский турнир. И тот, кто положит на лопатки африканского борца и чемпиона мистера Кука, получит триста рублей.

Вечером вместе с товарищами Чеховской впервые в жизни

отправился в цирк и влюбился в него с первого взгляда. Номера жонглеров и акробатов, клоунов и воздушных гимнастов — это был яркий, неведомый мир. И он искренне огорчился, когда представление закончилось и начался борцовский турнир. Желающих получить триста рублей оказалось много. Но всех их на потеху публике мистер Кук ловко

укладывал на помост. И так продолжалось до тех пор, пока товарищи не уговорили Якова выйти и проучить заморскую знаменитость. Оказавшись в железных объятьях гусара, африканский чемпион хотел было вырваться, но тот поднял его над головой, еще крепче сжал и так припечатал к ковра, что публика охнула.

Через несколько минут, уже за кулисами, «африканец», придя в себя, сказал на чистом русском языке: «Ну и силушка у тебя, братец, на десятерых хватит. Человека из-за денег чуть жизни не лишил. Неужели не стыдно? Да и не даст тебе хозяин денег, понял?» — «Как не даст? Да я же из него душу вытрясу!» И услышал: «Душу-то вытрясешь, а деньги — нет. Это я точно знаю. И еще знаю, что надо тебе в Питер, в настоящий столичный цирк. Талант у тебя — каких свет не видел!»

«Так безвестный провинциальный борец, — писала потом одна из российских газет, — открыл миру нового Геракла. И все мы теперь ждем и надеемся, что господин Чеховской удивит нас своими подвигами...»

Думаю, что в этих словах есть доля истины. Ведь именно в тот день Яков Авраамович увидел цель своей жизни.

После службы в армии он сразу едет в столицу, где быстро завоевывает любовь и популярность. На многих борцовских турнирах¹ он на голову превосходил соперников и боролся «одной левой» и «одной правой», боролся с завязанными глазами, вызывая восторг самых искушенных зрителей. На цирковых афишах его имя стояло рядом с именами великих — Ивана Поддубного и Ивана Заикина, Клементия Бу-

¹ Не восхищаться им было нельзя. При росте 180 сантиметров, объем груди атлета равнялся 138 см, шеи — 52 см, бицепсов — 50 сантиметров.

Но дело здесь не только в природных данных. «Все, чего я добился, я добился ежедневными тренировками. Другого секрета в спорте нет», — часто повторял Чеховской.

ля и Сергея Кравченко, Ильи Муромца и Варяга¹. А ведь он, по сути дела, был еще новичок в профессиональном спорте.

И вдруг Якуба ушел из профессионального спорта и стал артистом силового жанра. Видимо, это было ему больше по душе, здесь он мог показать все, на что способен.

— Человек-баобаб, — торжественно извещал ведущий, представляя зрителям знаменитого силача. А силач держал на себе большой деревянный помост, на который всходили тридцать музыкантов и начинали играть «Егерский марш». Это был любимый марш отца. «Самый русский и самый, — по его словам, — мужественный».

Буря аплодисментов сопровождала каждый выход Якубы.

¹ Илья Муромец и Варяг — борцовские псевдонимы замечательных русских атлетов Яковлева и Нелидова. В ту пору это было широко распространенное явление. И на цирковых афишах можно было прочесть, что Великан Святогор будет бороться с Циклопом, а Казбек-Гора с Добрыней Никитичем. К слову говоря, Якуба — это тоже псевдоним, придуманный владельцем одного цирка, где выступал Чеховской.

И каждый выход был действительно на грани фантастики.

Но вот свет в цирке гас и снова загорался. Все громче и громче раздавалась тревожная дробь барабана. Артист начинал свой коронный номер. Он бросал высоко вверх двухпудовые гири и ловил их, принимая на грудь. Шесть гирь!

Многие знакомые упрекали его за постоянный риск. На что отец, добродушно посмеиваясь, отвечал: «Так-то оно так, да ведь семью кормить надо». Другие считали, что с такой силой все можно, и он возмущался: «Вот — дурни. Думают, сила есть — ума не надо!» И только те, кому он дарил свою дружбу, с кем был откровенен, могли по достоинству оценить Якубу.

Вдоль стен его кабинета теснились книжные полки. Пушкин, Гете, Достоевский, Блок, различные справочники и энциклопедии, учебники по физике и механике.

Но это был уже другой Якуба — знаток литературы и истории, музыки и живописи. И друзьями его были писатели и артисты, художники и музыканты и, конечно, лучшие представители борцовского

мира. И хотя гости порой засиживались допоздна, ровно в семь утра отец проходил в смежную с кабинетом комнату, отведенную для тренировок, и начинал свой рабочий день¹.

Октябрьскую революцию Яков, Авраамович воспринял как должное. «Все правильно, — говорил он родным и близким, — пора жить по-новому!» И сам стал жить по-новому. Отныне он выступал не в цирке, а на заводах и фабриках, прямо в цехах и мастерских.

¹ О том, каким замечательным человеком был Яков Авраамович, свидетельствует и такой эпизод.

Однажды я пришел на квартиру к Якову Авраамовичу и застал его беседующим по телефону. Он показал мне рукой, чтобы я сел и обождал, а сам продолжал кому-то что-то доказывать. Вскоре я понял, что разговор идет о писателе — Федоре Михайловиче Достоевском. И еще мне показалось, что мой тренер цитирует наизусть целые страницы «Братьев Карамазовых». Чтобы проверить свою догадку, я взял с полки эту книгу и не поверил своим глазам: он действительно цитировал их наизусть! Память у него была феноменальной.

Окончание следует

Оформление В. Цикоты

ПОЯСНЕНИЯ
К НОВОГОДНИМ РАССКАЗАМ
КАПИТАНА БЫСТРОХОДОВА,
УЧЕНОГО МЕДУЗКИНА
И БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

Рассказ капитана Быстроходова совершенно правдивый. Они повстре-

чали в море уникальное французское научно-исследовательское судно «Флип». У «Флипа» затопляются кормовые отсеки, и судно принимает такое положение. В каютах-лабораториях ученые проводят различные исследования.

Рассказ Медузкина шуточный, но

наполовину: из перечисленных рыб на самом деле в морях и океанах встречаются: меч-рыба, рыба-молот, рыба-пила, рыба-ремень, рыба-хирург и луна-рыба.

Среди часов, привезенных матросом Кошкиным, нет нужных — морского хронометра.

См. «Костер» № 12, 1982 г.

ТРАКТАТ О БЕФАНАХ

ДОБРОЙ ВОЛШЕБНИЦЕ, КОТОРАЯ ПРИНОСИТ ИТАЛЬЯНСКИМ РЕБЯТАМ НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Джанни РОДАРИ

СКАЗКА

Рисунок О. Филипенко

У Бефаны три волшебные вещи: метла, мешок и дырявые башмаки. Некоторые, может быть, думают по-другому, но мне кажется, что прав все-таки я. А теперь я опишу вам ее вещи одну за другой и постараюсь ни в чем не ошибиться.

Вещь первая. МЕТЛА

После Нового года Бефана, которая живет на площади Навона, использует метлу только для посещения других планет. Она летит на Луну, на Марс, на Антарес. Облетает туманности и галактики. Наконец, возвращается в страну Бефан и сразу же обрушивается на свою сестру за то, что та не вымыла полы, не вытерла пыль с мебели и не сходила в парикмахерскую. Сестра Бефаны — тоже Бефана, но она не любит путешествовать. Она все время сидит дома, жует шоколад и сосет анисовые карамельки. Она ленивее двадцати четырех коров вместе взятых.

Сестры держат магазин, в котором продают метлы. Здесь покупают метлы все Бефаны Италии — из Оменьи, из Реджо-Эмилии, из Ривисондоли и так далее. Бефан тысячи, и они расходуют горы метел, так что дела у сестер идут хорошо. Когда же спрос на метлы падает, Бефана говорит своей сестре:

— Спрос падает. Надо что-то предпринимать. И ты, наверное, что-нибудь придумаешь, ведь не зря столько шоколада съедаешь!..

— Можно устроить распродажу по сниженным ценам. В прошлом году мы таким образом продали старые реставрированные метлы за новые.

— Придумай что-нибудь получше. Иначе я ограничу расходы на карамель.

Сестра Бефаны усиленно думает.

— Можно, — говорит она, — предложить новую моду. Например, мини-метлу.

— Что это еще такое?

— Совсем коротенькая метла.

— Не будет ли это выглядеть неприлично?

— Подумаешь! Повозмущаются какие-нибудь старые ханжи, а потом, вот увидишь, молодые Бефаны будут с ума сходить из-за таких метелок.

Мода на мини-метлу производит фурор. Поначалу пожилые Бефаны рвут и мечут от негодования, посылают петиции в газеты и организуют демонстрации протеста. Но затем и они начинают, плотно задвинув шторы, тайком примерять эту метлу. И в один прекрасный день они появля-

ются на улице тоже с мини-метлой. Самые скупые Бефаны просто отрезают ручку от своей старой метлы. Но это очень заметно, потому что нарушаются пропорции, да и скупость не делает им чести.

Спустя некоторое время спрос опять падает.

— Ну, — говорит Бефана своей сестре, — давай придумаю еще что-нибудь, а то я не дам тебе больше денег на кино!

— Но у меня уже голова болит, столько я думаю!

— Не будешь думать — не пойдешь в кино!

— Уф! Предложи моду на макси-метлу.

— Что это значит?

— Длинная-предлинная метла. Вдвое длинней, чем нужно.

— Гм... Не будет ли это излишеством?

— Разумеется, это будет излишеством. Именно потому и будет спрос.

В тот день, когда первая Бефана — совсем юная, стройная Бефаночка — появляется в обществе с макси-метлой, все Бефаны просто с ума сходят от зависти. Зарегистрировано двадцать семь обмороков, тридцать восемь нервных припадков и сорок девять тысяч всхлипываний. Еще до наступления вечера перед магазином макси-метел стоит такая длинная очередь, что конец ее оказывается в Бусто Арсицио.

На следующий год сестра Бефаны в обмен на коробку чернослива в шоколаде изобретает миди-метлу. Бефаны становятся очень богатыми и открывают магазин пылесосов.

И тут начинаются несчастья, потому что Бефаны, летая не на метлах, а на пылесосах, засасывают облака, кометы, маленьких птичек, больших птиц, парашютистов, бумажные змеи, метеориты, естественные и искусственные спутники, небольшие планеты, летучих мышей и даже преподавателей латинского языка. А одна Бефана по рассеянности засасывает самолет со всеми пассажирами, и потом ей приходится доставить их всех домой через дымовую трубу. Пылесос хорош, когда нужно навести чистоту. А для путешествий гораздо практичнее старая метла.

Вещь вторая. МЕШОК

Однажды Бефана не заметила, что мешок с подарками у нее продырявлен. Она летит себе, как ни в чем не бывало, а подарки сыплются куда попало, без всякого смысла. Электрический паро-

возик оказывается на куполе святого Петра в Риме и начинает бегать вокруг него, как сумасшедший. Какой-то служитель Ватикана смотрит в окно, видит эту карусель на куполе, и его прошибает холодный пот.

— Это дьявол! — кричит он. — Конец света!

А другой служитель заглядывает в железнодорожное расписание и качает головой:

— Это, должно быть, просто скорый из Витербо ошибся колеей...

Кукла падает рядом с волчьей норой. И волки делают неправильный вывод.

— А, — говорят они, — это как в тот раз с Ромулом и Ремом... Слава совсем близко — стоит только протянуть лапу. Мы выкормим это создание, оно вырастет и построит тут город. И тогда сделают множество бронзовых скульптур, изображающих нас. И мэр будет дарить их приезжим знаменитостям.

Норковая шуба, подарок синьора Мамбретти его подруге, падает в Сардинии, в двух шагах от пастуха, пасущего своих овец. Но пастух не пугается и не убегает с криком «Привидение! Привидение!», а надевает шубу, и она приходится ему весьма кстати. Бефана видит это в зеркало заднего вида, возвращается, пикирует было на оливковое дерево, но на полпути передумывает:

— Правильно! — говорит она. — Кому нужнее эта прекрасная шуба? Пастуху или той противной девице, у которой уже есть две шубы и к тому же машина с кондиционером?..

А был случай, когда Бефаны в суматохе отъезда — прощания, советы, слезы — перепутали мешки. Бефана из Домодоссолы взяла мешок Бефаны из Массаломбарды, Бефана из Неаполя — мешок Бефаны из Фрибурго в Бризговии. А когда подарки были уже розданы, вдруг обнаружилось, что все перепутано. Тут и началось: «Ты виновата»

та... ты сама виновата... я тебе говорила... ты, наверное, своей бабушке говорила...» И так далее, и так далее...

— Не будем плакать над пролитым молоком, — сказала, наконец, Бефана из Рима.

— Я и не плачу, — ответила Бефаночка со светлыми волосами и черными глазами, — стану я из-за этого портить себе грим.

— Я хотела сказать, что остается сделать только одно — вернуться, забрать подарки и отнести их тем, кому они предназначены.

— И не подумаю! — говорит хорошенькая Бефаночка. — У меня свидание с женихом, мы пойдем в кафе! Какое мне дело до всего этого!

И уходит, даже не оборачиваясь. Но другие Бефаны повздыхали, повздыхали и отправились в дорогу.

К сожалению, уже поздно. Дети уже проснулись, чтобы посмотреть на подарки, которые принесла Бефана.

— О, боже, какой ужас!

Да нет же, ничего страшного! Все дети очень довольны, и нет ни одного, кому бы не понравилась игрушка, которая ему досталась. Дети в Вене получили подарки детей Неаполя, и все равно рады.

— Я понимаю, — говорит римская Бефана, — дети всего мира одинаковы и любят одни и те же игрушки. Вот в чем дело.

— Глупости, — говорит ее сестра, — ты как всегда смотришь на мир сквозь розовые очки! Ну как ты не понимаешь, что дети во всем мире уже просто привыкли к одним и тем же игрушкам.

Не очень понятно, которая из двух сестер права.

Вещь третья. ДЫРЯВЫЕ БАШМАКИ

Все дети знают, что башмаки у Бефаны просят каши — так и в песенке поется. Некоторые ребята смеются, потому что из таких дырявых башмаков торчит большой палец. Другие огорчаются и не спят целую ночь:

— Бедная Бефана, у нее мерзнут ноги!

Ребят, которые жалеют Бефану, гораздо больше. Они пишут в газету, на радио. Предлагают собрать денег, чтобы купить в складчину Бефана новые туфли. И какие-то мошенники сразу начинают ходить по домам, сначала в Милане, затем в Турине и во Флоренции (в Неаполе они почему-то не появились) и собирать деньги на туфли для Бефаны. Они собирают двести двенадцать миллионов и убегают с ними в Швейцарию, Сингапур и Гонконг.

А Бефана так и остается в дырявых башмаках.

И тогда в новогоднюю ночь многие дети оставляют рядом с пустым чулком, куда Бефана обычно кладет свои подарки, большую коробку и записку: «Для Бефаны». В коробке лежит пара новых туфель для пожилой сеньоры. Почти все черные, но встречаются также темно-коричневые или бежевые, но элегантные. С высоким каблучком, со средним и вообще без каблука. С пряжками или со шнурками.

Бефана из Виджевано каким-то образом узнает об этом раньше других. И что же она делает? Ставит будильник на час раньше и облетает всю землю со сверхзвуковой скоростью. Нагружает три автопоезда новыми туфлями и возвращается в страну Бефан довольная-предовольная.

Тут история начинает двоиться, потому что специалисты по бефанологии не приходят к согласию относительно ее продолжения.

Специалисты с душой считают, что Бефана из Виджевано думала о людях, которые ходят босиком, и переживала за них. Она со своим грузом снова облетела весь мир, чтобы подарить туфли бедным женщинам, у которых их нет. И у нее еще остались туфли для бедных мужчин, у которых тоже нет обуви. Неважно, что это женские туфли, они наденут их, лишь бы не ходить босиком.

А специалисты бездушные, напротив, утверждают, что Бефана из Виджевано открыла магазин обуви в стране Бефан и загребает деньги, продавая туфли своим подругам. И получает огромный доход, потому что эти туфли не стоили ей ни одной монетки. Как же тут не купить себе автомобиль на восьми колесах и трамвай целиком из золота!

Я не специалист-бефанолог, поэтому мое мнение ничего не значит.

Постскриптум

Когда я показал одному специалисту это мое описание трех волшебных вещей Бефаны, он усмехнулся:

— Все правильно. Но вы забыли самую важную вещь.

— Какую?

— Вы забыли сказать, что Бефана приносит подарки только хорошим детям, а плохим — нет.

Я смотрел на него секунд тридцать, потом сказал:

— Выбирайте, оторвать вам ухо или откусить нос?

— Как вы сказали, извините?

— Я спрашиваю, что вы хотите — получить хороший удар зонтиком по голове или килограмм льда за шиворот?

— Да как вы смеете! Вы забываете, с кем говорите!

— А как вы смеете утверждать, что бывают плохие дети? Становитесь на колени и просите прощения!

— А что вы хотите делать этим молотком?

— Ударю по вашему мизинцу, если вы сейчас же не поклянетесь, что все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что они бедные. Так вы клянетесь или нет?..

— Клянусь! Клянусь!..

— То-то! А теперь видите, я ухожу и даже прощаю вас. Это потому, что я слишком хороший.

ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В ТУРНИРЫ!

Главнокомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток объявил о начале очередного Чемпионата АРЧЕБЕКА и ответил на ряд вопросов:

— Чего можно добиться в Чемпионате-83?

— Многого! Например: а) выполнить норму 4-го, 3-го и 2-го спортивного разряда, б) завоевать диплом и приз, в) стать чемпионом АРЧЕБЕКА.

— Кто допускается в Чемпионат-83?

— Любой желающий испытать свою силу и не боящийся вступить в сражение на клетчатой доске. А турниров будет три: по шахматам (ШХМ), по русским шашкам (РШ), по международным шашкам (МШ). Участвовать можно и в одном, и в двух, и в трех, но рапорты о выполнении заданий нужно отправлять раздельно.

— Как быть тем, кто еще не умеет играть?

— Их зачислят в особый Отряд резерва. Там подготовят и потом переведут в разведчики.

— Как пройдет соревнование?

— Чемпионат разбит на два этапа — отборочный и финал. В отборочном этапе («Костер» №№ 1—7) — 14 боевых заданий, по 5 очков за каждое. Набравшие 40 очков выйдут в финал (№№ 8—10), где и можно будет завоевать разряд и награды. Учет своих очков каждый разведчик обязан вести сам, в чем поможет «Бюро самопроверки».

— Будут ли разведчики получать ответ на рапорт?

— В финале — обязательно. А в отборочном этапе — только те, кому требуется срочная помощь.

— Как записаться в Чемпионат?

— Написать на открытке заявку: «Прошу принять меня...» и т. д. и послать ее в адрес АРЧЕБЕКА — 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

— Нужно ли ждать после заявки ответного сообщения?

— Нет! Приняты будут все. Поэтому: отправил заявку — считай себя разведчиком АРЧЕБЕКА и сразу вступай в турнирное сражение!

ЧЕМПИОНАТ. ТУР I

Боевое задание разведчикам, вступающим в борьбу за диплом, приз и спортивный разряд, следующее.

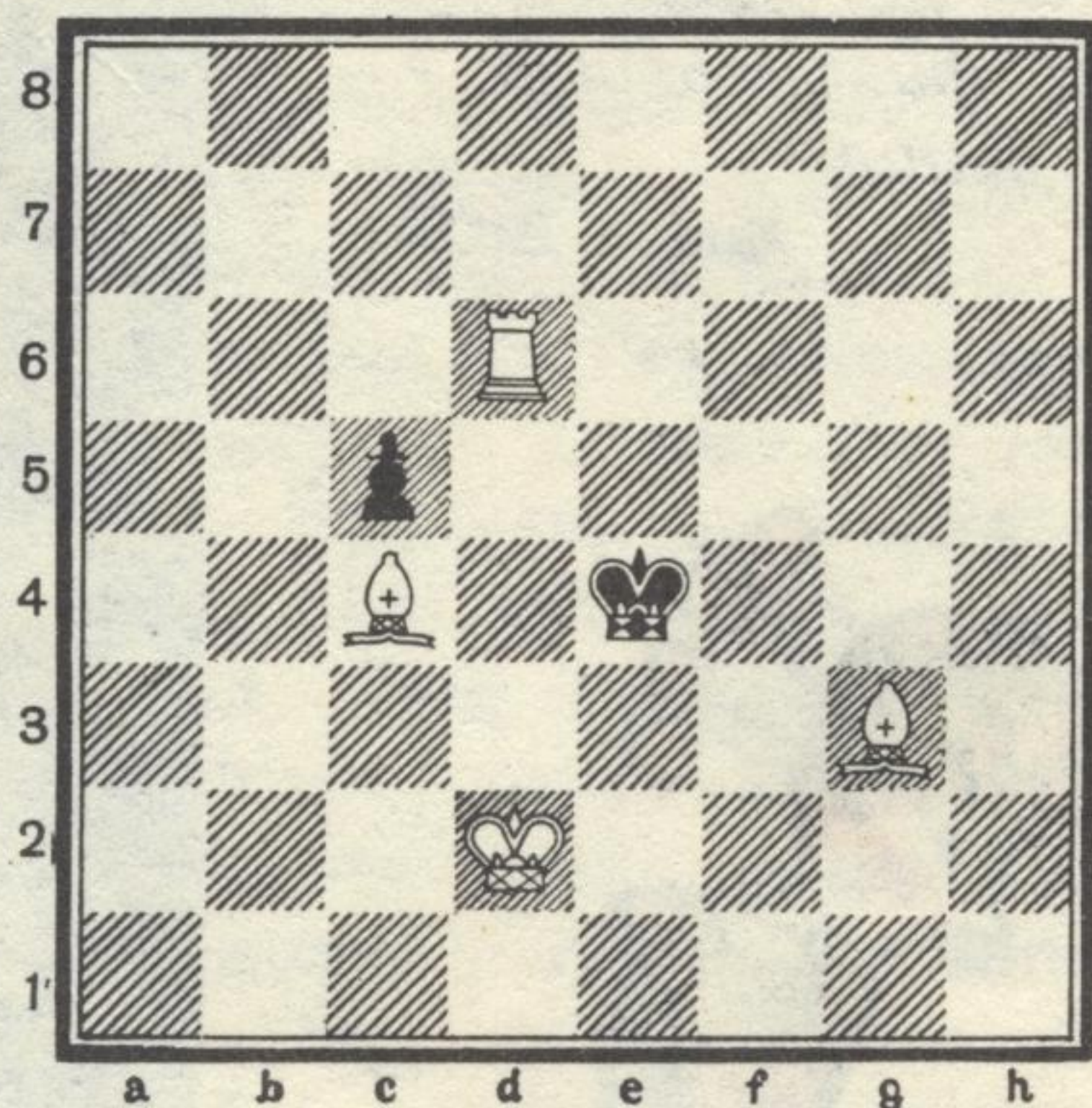
ШАХМАТЫ (ШХМ).

А. (Авенир Шапошников, г. Горький). Белые: Kpb1, Фg6, Ch7, Kh5; черные: Kph8, Cg7, Kf5.

Б. (Оля и Света Трифонови, Калуга). Белые: Kpd2, Лd6, Сb7, Kd3, Ке5, п. b3; черные: Kpd4, Kd5.

Цель разведки: объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: задание «объявить мат в 2 хода» означает, что нужно отыскать такой ход за белых, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример (Николай Зиновьев, Усть-Каме-ногорск).

Белые должны объявить мат в 2 хода. Как это удастся выполнить? Какой необходимо сделать первый ход? Пробуем так и этак... И приходим

к заключению, что годится 1. Лg6! Затем проверяем. Какие ответы есть у черных? Есть 1... Kpd4, но тогда 2. Лg4X; есть 1... Kpf5, но тогда 2. Cd3X; есть 1... Kpf3, но тогда 2. Cd5X. Других ответов у черных нет. Значит, доказали: задачу решает ход 1. Лg6!

РУССКИЕ ШАШКИ (РШ).

А. (Валерий Пириуткин, Ростов-на-Дону). Белые: a1, a5, b2, b4, d2, f4, g5, черные: a7, b8, c7, e3, e7, g7, h8.

Б. (Валерий Пириуткин). Белые: d2, d4, e1, e3, f2, f4, g3; черные: a7, b6, d6, f6, f8, h4, h6.

Цель разведки: отыскать пути к победе белых.

Разъяснение обстановки: и в А и в Б победить удастся комбинацией. Кто не знает, что такое шашечная комбинация, может спросить в отдельном письме у Пешкоедова.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ (МШ).

А. Белые: 24, 29, 32, 34, 38, 42; черные: 11, 12, 21, 22, 25, 31.

Б. Белые: 36, 40, 42, 44, 45, 50; черные: 26, 27, 28, 30, 32, 35.

Цель разведки: выявить и показать, как белые могут одержать быструю победу.

Разъяснение обстановки: а) в МШ доска столеточная (10×10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (темному) полю присвоен номер; счет идет от левого верхнего поля (1) к правому нижнему (50); б) МШ отличаются от РШ тремя правилами, они будут напечатаны позже. (В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят).

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Как узнать, чей первый ход в задании — белых или черных?

— Если нет специальных оговорок, то первый ход белых.

— Куда в задачах (на диаграммах и в записи) идут белые?

Белые всегда идут снизу вверх, а черные — вниз.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Эта рубрика для тех, кто еще не умеет играть. Чтобы получить 5 очков, нужно:

А. Узнать у старших или у товарищей, как называются и как ходят фигуры.

Б. Что такое шах, мат, пат.

В. Самому придумать, нарисовать и прислать три позиции — с шахом; с матом, с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рапорты о выполнении заданий писать на открытках или почтовых карточках.

§ 2. Выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его и номер тура в левом верхнем углу рапорта.

§ 3. Отправить рапорт № 1 не позже 15 марта.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК

Оформление Л. Каминского

Я самый сильный в классе

Я самый сильный в классе,
И мной гордится класс.
Я Иванова Васю
Отжал двенадцать раз.

Но наш учитель снова
Сказал про Иванова,
Вернув ему дневник:
— Да, сильный ученик!
Сергей МАХОТИН

На уроке физкультуры

Кто велел Андрею с Люсей
Делать ласточку на брусках?
Как попасть сумела Зина
В баскетбольную корзину?
Словно в цирке шесть ребят
На одном кольце висят,
На бревне танцует Юра —
Что кричит — не слышу...
Наш учитель физкультуры
На минутку вышел!

Елена ДЮК

Неудача

— Полно, Аня, слезы лить!
Что с тобой случилось?
— Мне посуду надо мыть,
А она разбилась!

В. НЕСТЕРОВ

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРА-
НИЯ
ШКОЛЬНЫХ
СОЧИНЕНИЙ

Когда Теракл двинулся,
его мускулы бежали
по всему телу

Чтоб не зара-
зиться шименой,
нужно гасто-
мыть руки...

Дубровский
был гестным
разбойником,
потому что
грабил только
наполовину.

Каждое утро
я проветриваю
свою форточку.

Фараон был
запряжен тройкой
белых лошадей

Мальчик с собакой
пошли к озеру
и разделись.

Из-за кустов показалось
лицо зайца.

Отрывки из сочинений прислали:

Володя Торин (Полевая почта),
Марина Березина (Ленинград),
Ира Соломенская (Красногорск),
Таня Котова (Калининград),
Валя Костина и Света Ручка
(Донецкая обл.),
Лена Горбенко (Кривой Рог),
Таня Любченко (Верховцево)

КОНКУРС

И все засмеялись!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вы даже не представляете себе, сколько смешных случаев происходит на уроках! Вот, например, Лена Чернова из города Кирова рассказывает,

Однажды на уроке французского Вера Павловна стала нас спрашивать по теме «Театр». Она написала на доске предложения и попросила их перевести. Так как добровольцев не оказалось, она пригласила к доске Костю Мышкина. Тот вышел и устоял на написанное, притворяясь, что читает, а на самом деле тянул время, ожидая подсказки. С задних парт раздался шепот:

— В театре есть сцена.

Костя повторил:

— В театре есть сцена.

Шепот:

— В театре есть партер.

Костя:

— В театре есть партер.

— В театре есть ложи...

Лицо Мышкина выразило крайнее недоумение. Он сделал паузу и громко заявил:

— В театре есть... лошадь!

И все засмеялись.

*Игорь Никитин,
5 класс, Горький*

На уроке физики Вася Евгеньев отвечал заданный урок:

— Против трения в технике применяют подшипники. Они бывают двух видов — роликовые и эти... как их...

как у них в классе один ученик читал басню «Ворона и лисица»: «От радости в зобу вскружилась голова...» — «А у нас в классе, — пишет Лёша Тарасов из города Рубцовска, — задали придумать предложения со словами: «листья», «собаки», «падают», «лают». И один ученик так придумал: «Собаки падают, листья лают». И все засмеялись!».

Вот передо мной лежат сотни ваших писем. И каждое кончается фразой: «И все засмеялись!» Если все эти письма озвучить, вот бы хохот получился!

Тут Вася сделал умоляющие глаза и посмотрел на класс.

Надя Ушакова решила подсказать: «шариковые», но Вася стоял далеко и ничего не услышал. Тогда Надя стала крутить пальцем у виска: «шариковые, шариковые!».

Вася посмотрел на нее и с обидой сказал:

— Сама ты «с приветом»!

И все засмеялись.

*Виталий Яковлев,
6 класс, с. Хорель
Приморского края*

На уроке истории учитель вызвал к доске Игоря и сказал:

— Напиши-ка нам, какие органы управления были в Русском государстве в семнадцатом веке.

Игорь, как всегда, урока не знал и ждал помощи. Когда учитель отвернулся, с первой парты Игорю бросили скомканный листок бумаги. Игорь стал быстро переписывать содержание шпаргалки. Последним пунктом в записке значилось: «БОЯР. Д-А», что означало «Боярская дума».

Игорь стал уверенно отвечать, но когда дошел до последнего пункта, запнулся.

— Ну, что же ты замолчал? — спросил учитель. — Что это у тебя написано?

— Боярин Дюма! — сказал Игорь.

И все засмеялись.

*Таня Любай и Таня Гриценко,
Рудный
Кустанайской области*

Сижу я, думаю — а какие же письма выбрать для сегодняшнего номера? Все интересные, все смешные! Что делать? Хоть бы подсказал кто-нибудь!

Стоп! Идея! А что если выбрать письма на одну тему: о подсказке. Ну-ка. Ну-ка, попробуем...

Итак, ученика вызывают, он ничего не знает, ему подсказывают...

Давайте посмотрим, что из этого получается.

Учитель смеха

Еще в третьем классе у нас произошел такой смешной случай. На последнем уроке учительница читала нам книжку писателя Носова. А один мальчик все время вертелся, сам не слушал и другим мешал.

— Встань, — сказала ему учительница. — Интересно, знаешь ли ты, какую книжку мы сейчас читаем?

Ему стали подсказывать, показывая пальцем на нос: «Носова!»

— «Буратино!» — ответил ученик.

И все засмеялись.

*Натasha Черняева,
Ижевск*

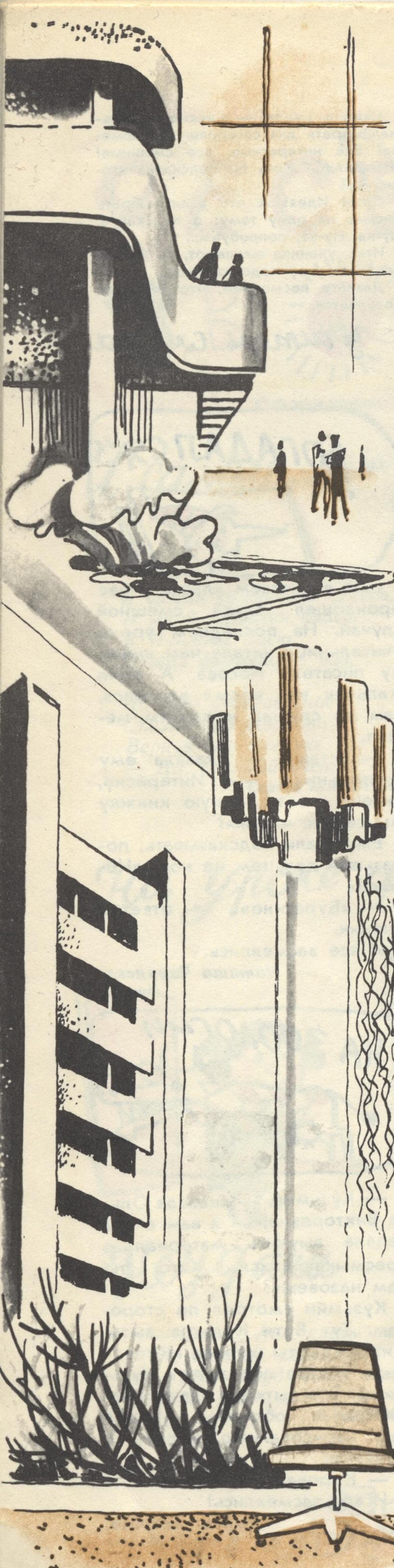
— Кузьмин, — сказала Ольга Викторовна, — я вам вчера задала выучить материал о пресмыкающихся. Кого ты нам назовешь?

Кузьмин смотрел по сторонам. Тут Витя Кулаков вытащил из парты журнал «Крокодил» и стал показывать Кузьмину. Тот вытянул шею, рассматривая обложку, увидел там нарисованную корову и брякнул:

— Корова!

И все засмеялись!

*Марта Уварова,
6 класс, Москва*

Здравствуй, ребята!

Мы познакомились с разными видами отделочных работ. Штукатурные, малярные, облицовочные, обойные операции непременно требуют жидких растворов. Не удивительно, что эти методы отделки называются мокрыми. Сегодня я попробую вам рассказать о сухих методах отделочных работ.

Перед вами пионерская комната. У нее красивый и деловой вид. Создают его панели, которыми облицованы стены.

Основные элементы сухого метода — панели и пленки. Стены облицовывают панелями из ценных пород дерева и синтетических материалов.

Пленки бывают трех видов — декоративно-облицовочная бумага, пластик, кожезаменитель.

Сухой метод отделки — это значит: быстрота исполнения, создание красивого интерьера, долгий срок службы, возможность монтажа (сборки) в заводских условиях.

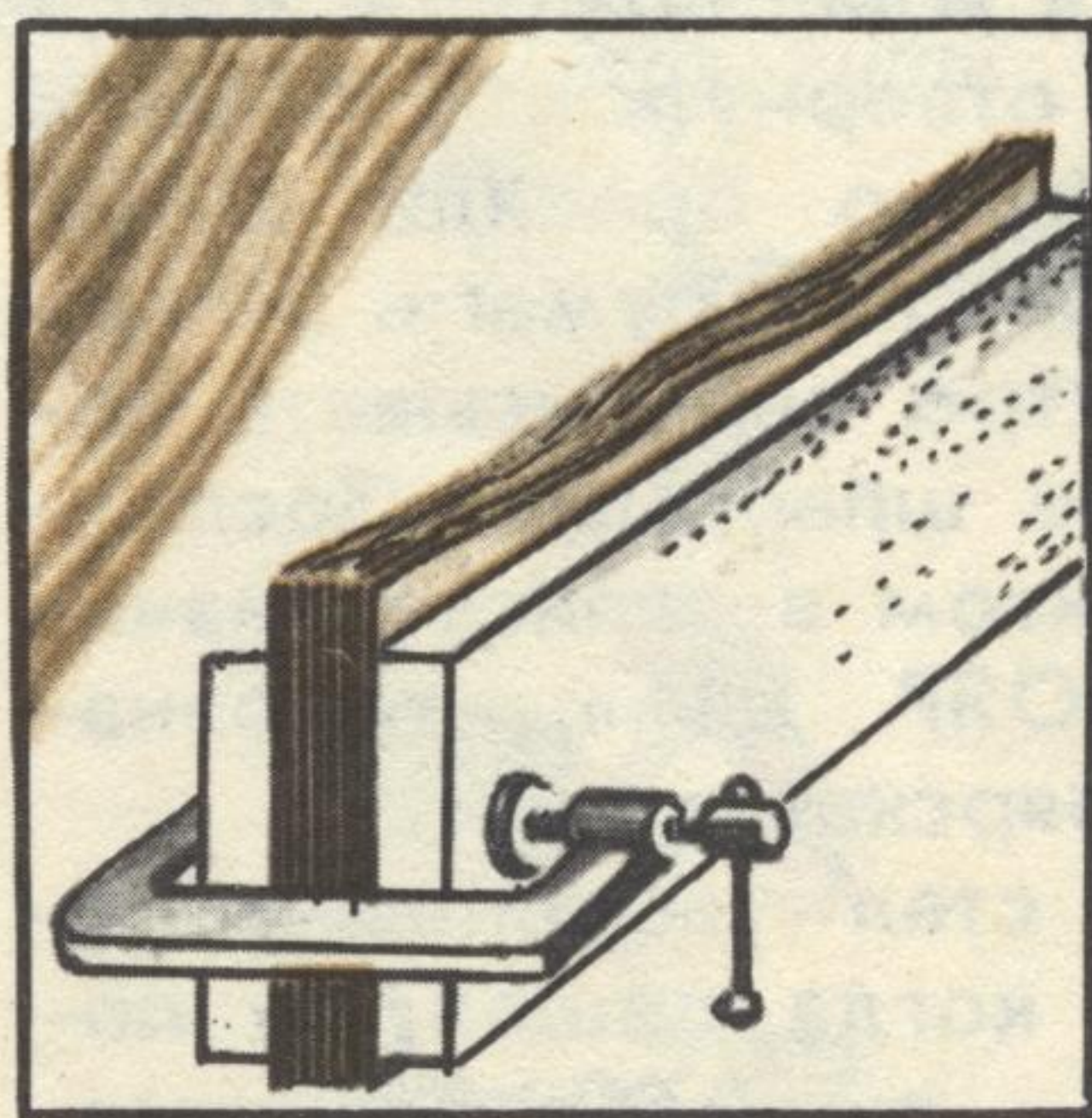
Не нужно возиться с раствором, красками. Привез готовые панели на стройку, прикрепил к стенам — и порядок. Только как закрепить? При сухой отделке вы ни гвоздя, ни шурупа в стене не увидите.

Есть в Ленинграде бригада универсалов-отделочников, известная на всю страну. Руководит ею Альбин Викентьевич Сенюк. Попасты в эту бригаду не просто. Первое условие — золотые руки. Второе — трудолюбие и самоотдача. Задания, которые выполняет бригада, под силу только настоящему мастеру: стенные панели, подвесные потолки и раздвижные стены, встроенная мебель, различные виды оборудования.

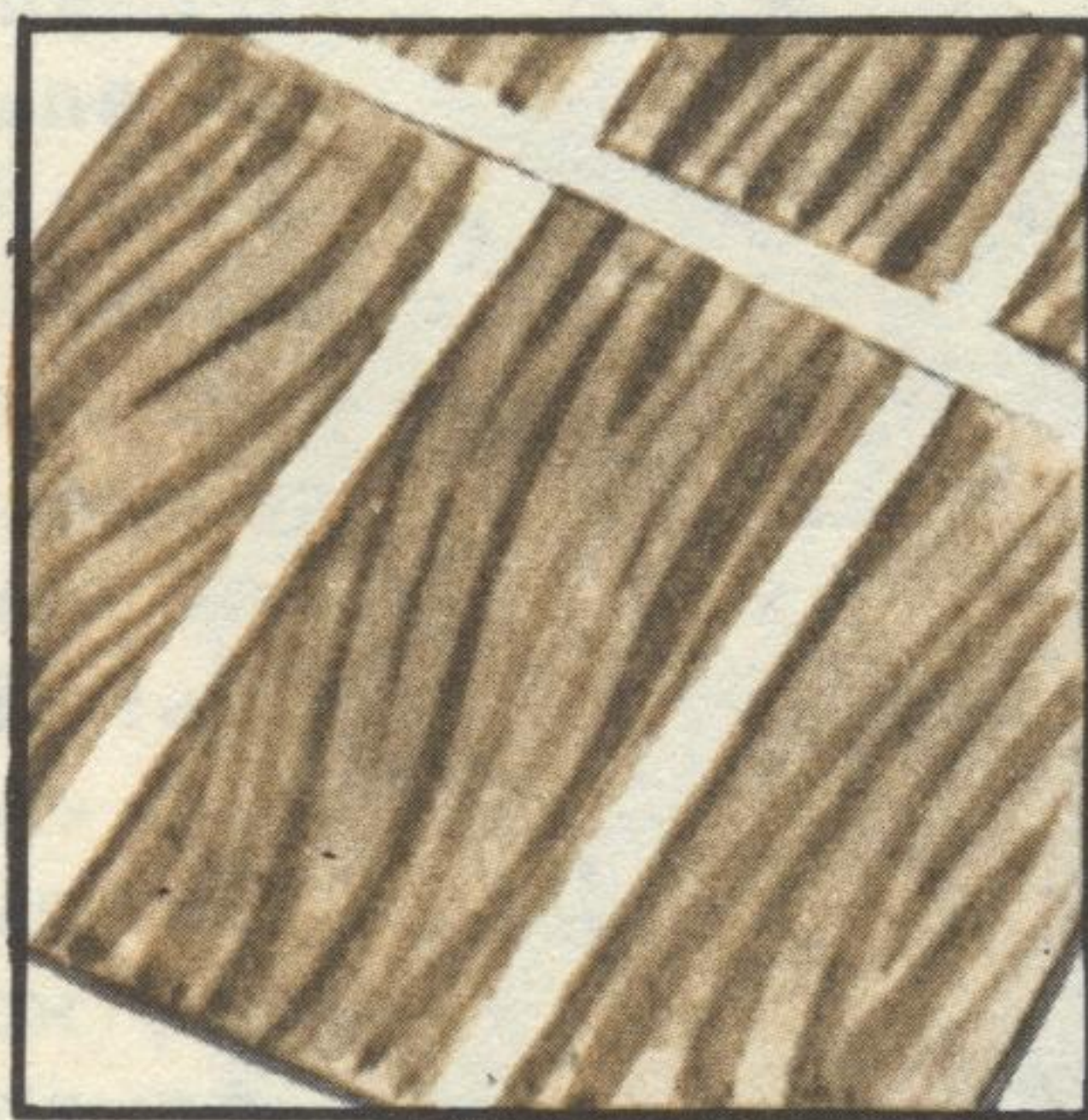
Бригада работала на мемориальных комплексах, в домах пионеров, концертных залах, поликлиниках, магазинах, стадионах. Есть чем гордиться.

Сам бригадир, Альбин Викентьевич — очень хороший, добрый человек, а его уди-

ВНИМАНИЕ! ВКЛЮЧАЮ

Дубовый шпон — облицовочный материал. Берем пачку шпонов, закрепляем ее струбциной. Выравниваем рубанком.

Ровные шпоны укладываем так, чтобы сохранить рисунок дерева. В месте соединения наклеиваем гуммированную ленту.

Щит для облицовки зачищаем цинубелом. Поверхность должна быть абсолютно ровной.

вительный труд иначе как волшебством не назовешь. Родина наградила Альбина Викентьевича орденом Трудового Красного Знамени. Много у мастера и высших наград ВДНХ СССР — бронзовая, серебряная, золотая медали. Недавно он стал лауреатом Государственной премии СССР. В нашей стране уважают трудового человека.

Так как же облицевать стену панелями без единого гвоздя? Перед вами чертеж. Кирпичная стена. Вдоль нее закреплены рейки. Рейки оснащены болтами. Обратите внимание на панели — с обратной стороны щита с двух сторон расположены зацепки. Панели надевают одну за другой.

Механизм крепления ясен из чертежа.

А вот о подвесных потолках, наверное, вы не слышали. Подвесной потолок — дополнительный, «подвешиваемый» к обыкновенному. Он скрывает электрические провода, отопительные трубы, делает помещение наряднее, красивее. Такой подвесной потолок в Петровском зале гостиницы «Ленинград». Он собран по конструкции Альбина Викентьевича.

Теперь о встроенной мебели. Часто шкафы, тумбочки, полки, буфеты загромождают комнату. То ли дело встроенная мебель во всю стенку, до потолка! И комната просторней и порядок поддерживать легче. За такой мебелью будущее. Это бесспорно.

Не вдруг рождаются мастера. Альбин Викентьевич гово-

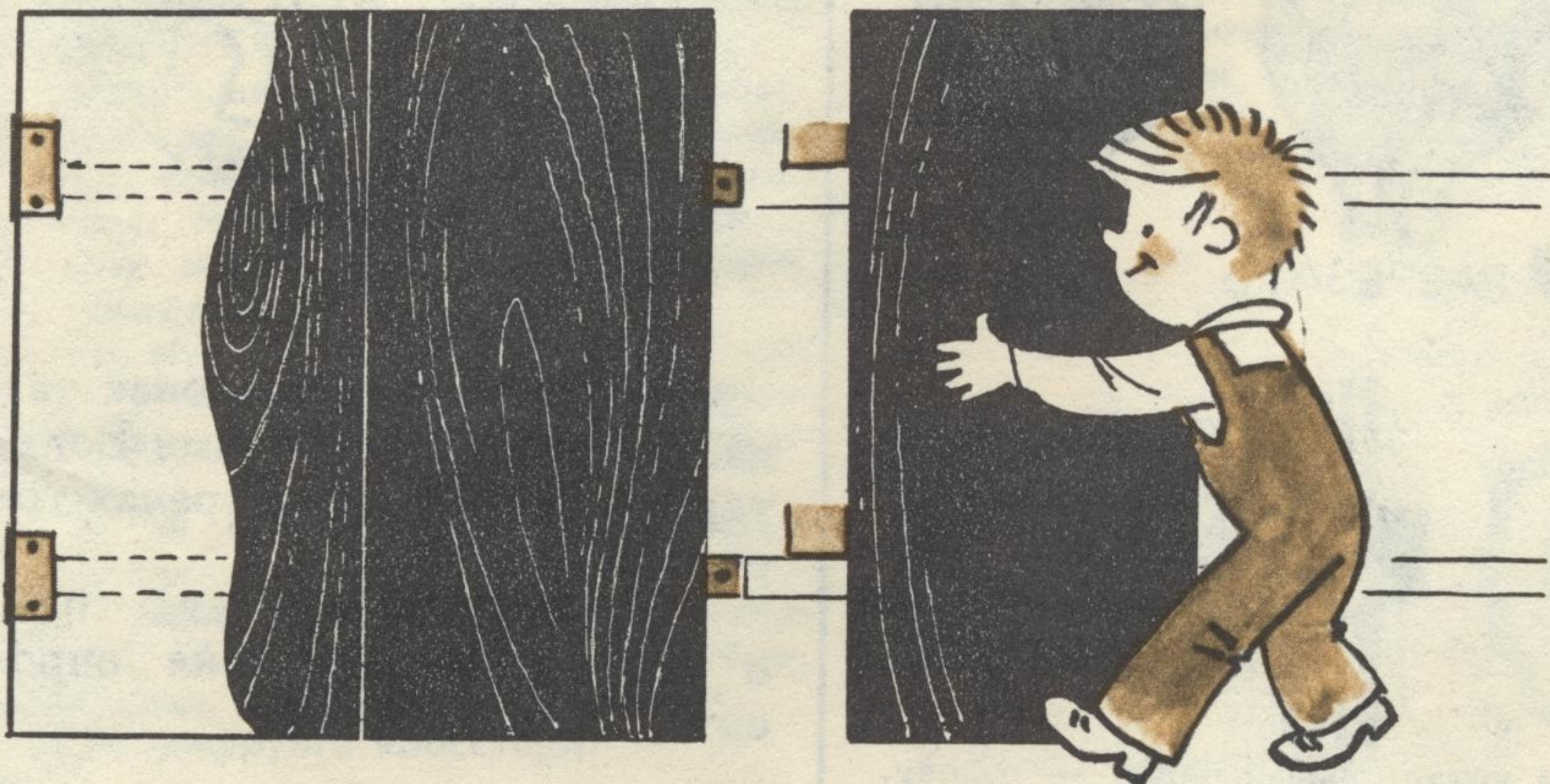
рит, что у него все началось с дверей.

С бригадой плотников реставрировал он разрушенный войной город Пушкин. Когда все работы были закончены, жители попросили заменить обгоревшую парадную дверь на вокзале. Осмотрели дверь — уникальная резьба прошлого века. Начальник участка развел руками: «У меня же одни плотники». Вызвался Сенюль и не подвел. «У тебя талант», — принимая безупречную работу, сказали ему.

С тех пор все столярные операции выполнял Альбин Викентьевич. Этот случай он часто вспоминает, беседуя с ребятами из подшефного ПТУ № 7, и говорит: «Пробуйте, дерзайте — и получится».

Оформление Л. Иванова

УЧЕБНЫЙ ФИЛЬМ!

На щит, пропитанный клеем, накладываем дубовые шпоны, гуммированной бумагой вверх.

Накрываем щит железным листом. Он должен быть гладким, чистым и по возможности теплым.

Когда клей подсох, облицовочный щит циклюем циклем, чтобы убрать с поверхности остатки гуммированной бумаги и клея.

Обрабатываем лаком облицовочную панель, и она готова.

На каникулах мы с подругами решили сделать свой кукольный театр. Головки кукол из папье-маше. Из этого материала хорошо получаются макеты, маски, театральная бутафория, но работа с папье-маше требует усидчивости.

Прежде всего нужно слепить из пластилина форму — голову задуманной куклы. Теперь сделаем из картона трубку и вставим в основание головы — это шея. Газетную и папиросную бумагу нарежем треугольничками. Обклеим голову газетными треугольничками, смоченными в воде (чтобы в дальнейшем легко отделить от формы). Для второго слоя из папиросной бумаги и следующих слоев используем клей. Чередовать газетную и папиросную

бумагу нужно для того, чтобы отличать во время работы наклеенные слои. Всего должно быть 8—10 слоев. На сегодня работа закончена, пусть модель хорошо просохнет.

Завтра заготовку разрежем пополам, удалим пластилин и склеим половинки головы несколькими кусочками бумаги. Осталось раскрасить головку. Трубочка для пальца — 2 см от подбородка куклы.

Мы сделали героев сказки Джанни Родари «Приключения Чиполлино», потому что вылепить головы мальчика-луковки, Вишенки, музыканта Груши и др. — не сложно. Если ты будешь делать куклу-человечка (Буратино, Петрушку) наклейте на голову волосы из ниток или мочала, шей колпак. Теперь надень перчат-

ку, на указательный палец — голову. Средний и большой пальцы — руки куклы.

На этом можно и остановиться. Ведь голову Чиполлино никто не спутает с головой синьора Помидора. Но мы с подругами шьем для кукол одежду. Выкройка платья одна для всех кукол, но шьется она из лоскутков разного цвета и отделяется по-разному.

Рисунки Т. Петуховой

Рисунки Ю. Беломлинской

АНГЛИЙСКИЙ бактериолог Рональд Росс так описал в письме своему другу сражение между белыми кровяными шариками — фагоцитами и микробом, которое он наблюдал под микроскопом: „Он (микроб) не переставал толкать фагоцита под ребра в разных местах, пока тот не взвыл и не обратился в бегство...“

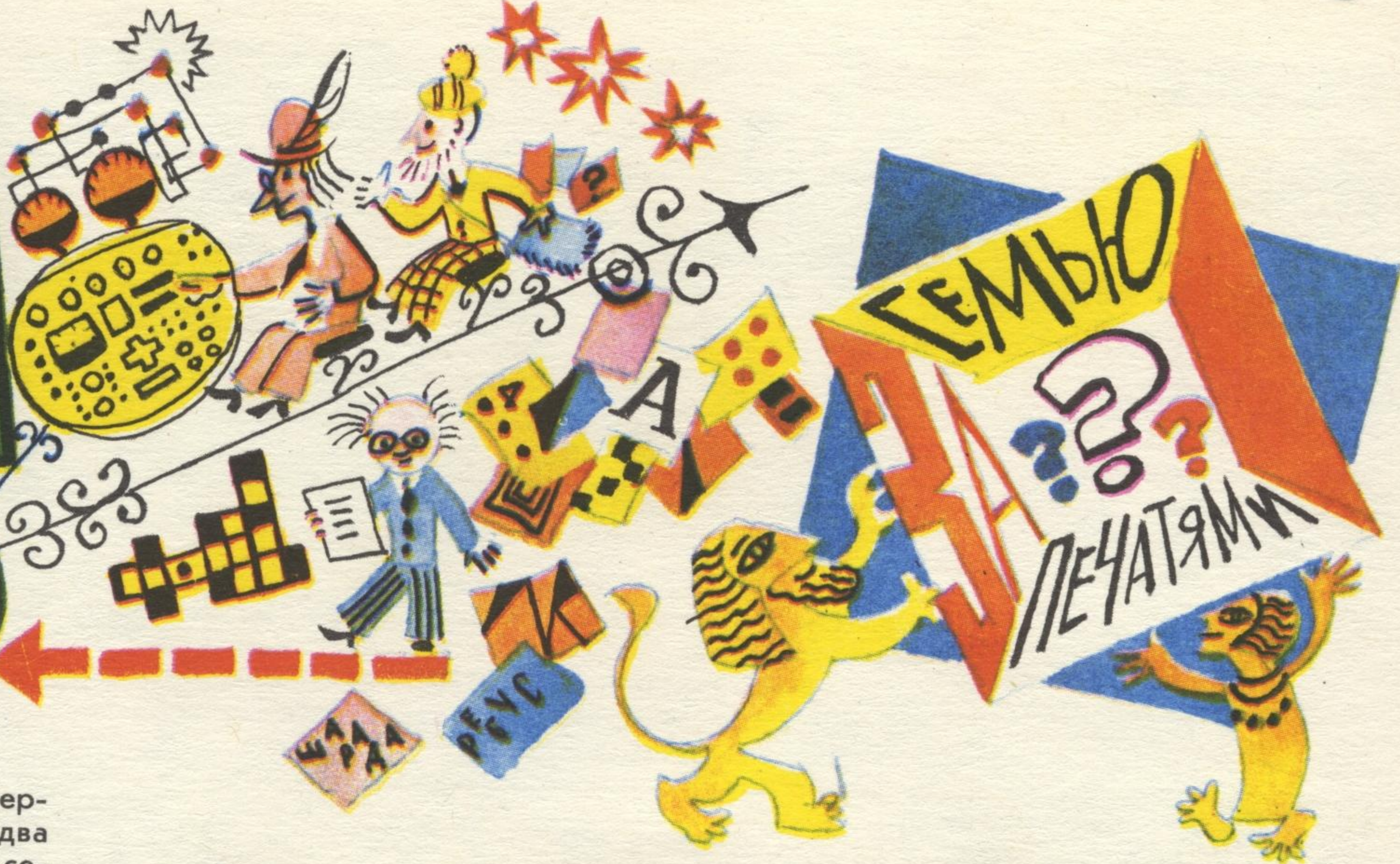
ОДИН молодой человек так надоел своими вопросами Вольтеру, что тот при встречах торпливо говорил:

—Здравствуйте, нет, того, о чем вы хотите меня спросить, я не знаю.

АСТРОНОМ Струве, директор Пулковской обсерватории, вспоминал, как обсерваторию посетил царь со своей свитой, все увешанные орденами.

—Вижу много звезд, — рассказывал Струве, — и все — увы! — не на своих местах.

Однажды Разгадайка и его верные друзья Чайнвордыч, Дваждыдва и кот Ангенс пришли в клуб «За семью печатями» и увидели следующее объявление:

«КЛУБ ПОЛУЧИЛ В ПРОКАТ МАШИНУ ВРЕМЕНИ. В ТЕЧЕНИЕ НЕКОЛЬКИХ МИНУТ ОНА ДОСТАВИТ ВАС В ДРЕВНИЮ ИНДИЮ, ПЕРСИЮ, ГРЕЦИЮ, А ТАКЖЕ В БУДУЩЕЕ. ЖЕЛАЮЩИЕ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПУСТЬ ОБРАТЯТСЯ В...»

И дальше следовал вот такой кроссворд (рис. 1), в закрашенных клетках которого было зашифровано слово. Чтобы узнать, куда необходимо обратиться, нужно разгадать головоломку.

— Ну, что ж, — сказал Разгадайка, — хочется испытать эту чудотехнику, а пока займемся кроссвордом.

И он принялся заполнять пустые клеточки:

1. Ядовитая змея. 2. Большое зеркало. 3. Русский художник-передвижник. 4. Химический элемент.

Расшифруйте кроссворд!

Во время расшифровки очередной головоломки оказалось, что не все члены клуба владеют ребусным кодом.

— Это очень просто, — заметил Разгадайка. — Знаком исключения является запятая. Она исключает первую или последнюю букву слова в зависимости от того, где стоит. Знак замены — это знак равенства между двумя буквами. Знак перестановки — это ряд чисел, означающих порядковый номер буквы в слове. Перевернутый рисунок читается в обратном порядке — справа налево. Вот и весь ребусный код!

— Действительно, просто, — согласился Дваждыдва. — Надо запомнить.

— А сейчас, — продолжал Разгадайка, — маленькая тренировка. Я говорю пословицу, а вы ее зашифровывайте.

Кот Ангенс составил этот ребус, применив в нем все знаки ребусного кода.

А эту уникальную головоломку придумал Чайнвордыч. В ней всего два рисунка, спрятавшие пословицу. Может быть, и вы, ребята, попробуете зашифровать пословицы или афоризмы с помощью ребусного кода?

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31676. Сдано в набор 05.10.82. Подписано к печати 16.12.82. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 780 000 экз. Заказ 5293. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

**ПРОФЕССОР
КОРОМЫСЛОВ,
ЕГО ВНУК ЕРМОЛАЙ
И ЧУДОВИЩЕ**

Макар ВЕСЕЛЫЙ
Рисунки М. Белова

1. Однажды профессор и его внук, будучи под Новый год за границей, гуляли по берегу озера.
— В газетах пишут, здесь появилось доисторическое чудовище, — сказал Коромыслов. — Лично я в это не верю.

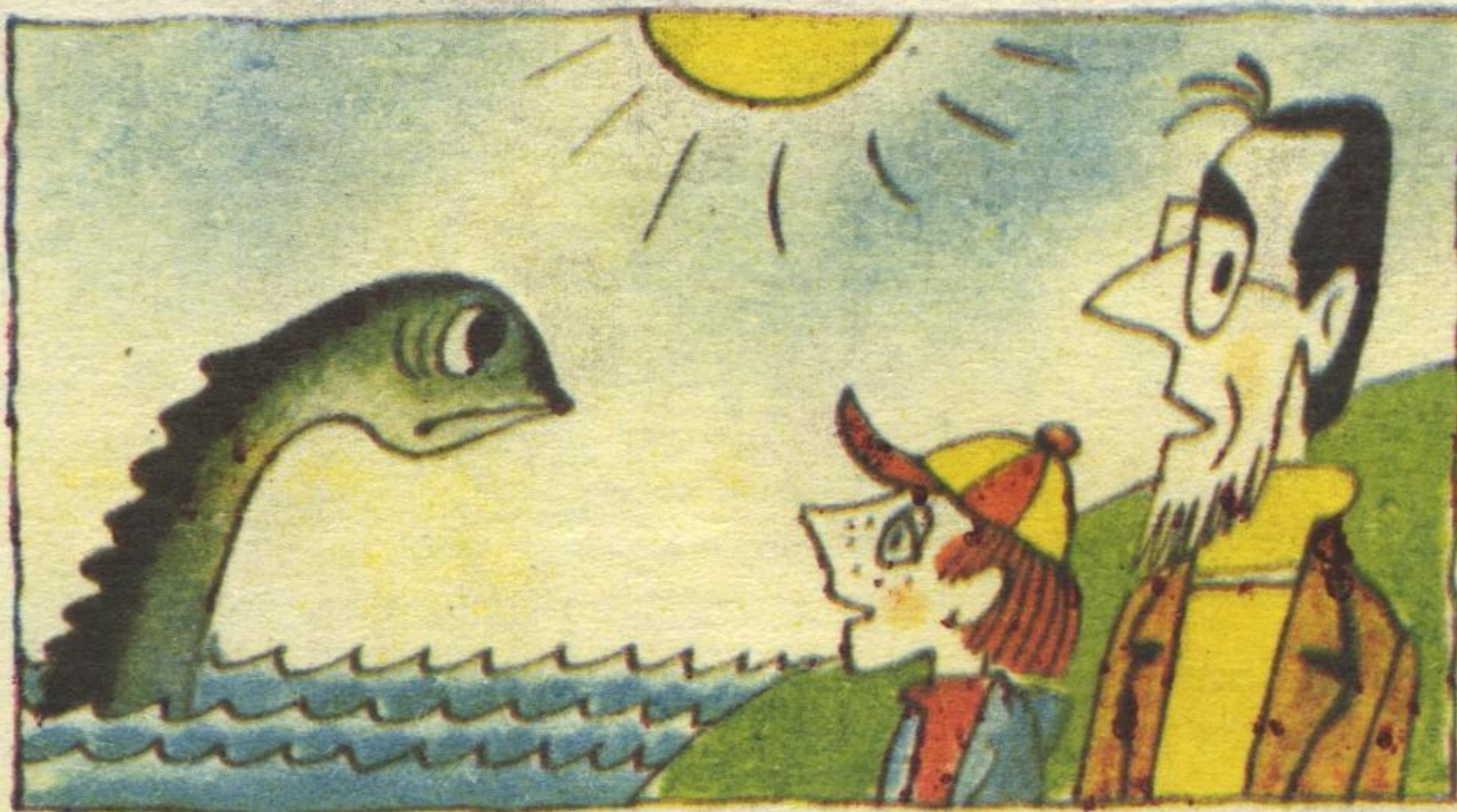
2. — Ура, еще одна тайна! — сказал Ермолай. — А почему ты не веришь!
— В озере слишком мало рыбы.

3. Ведь одни гиганты жили в полных добычи древних морях.

4. Другие — в эпоху расцвета ящеров. Зверья было повсюду идоволь.

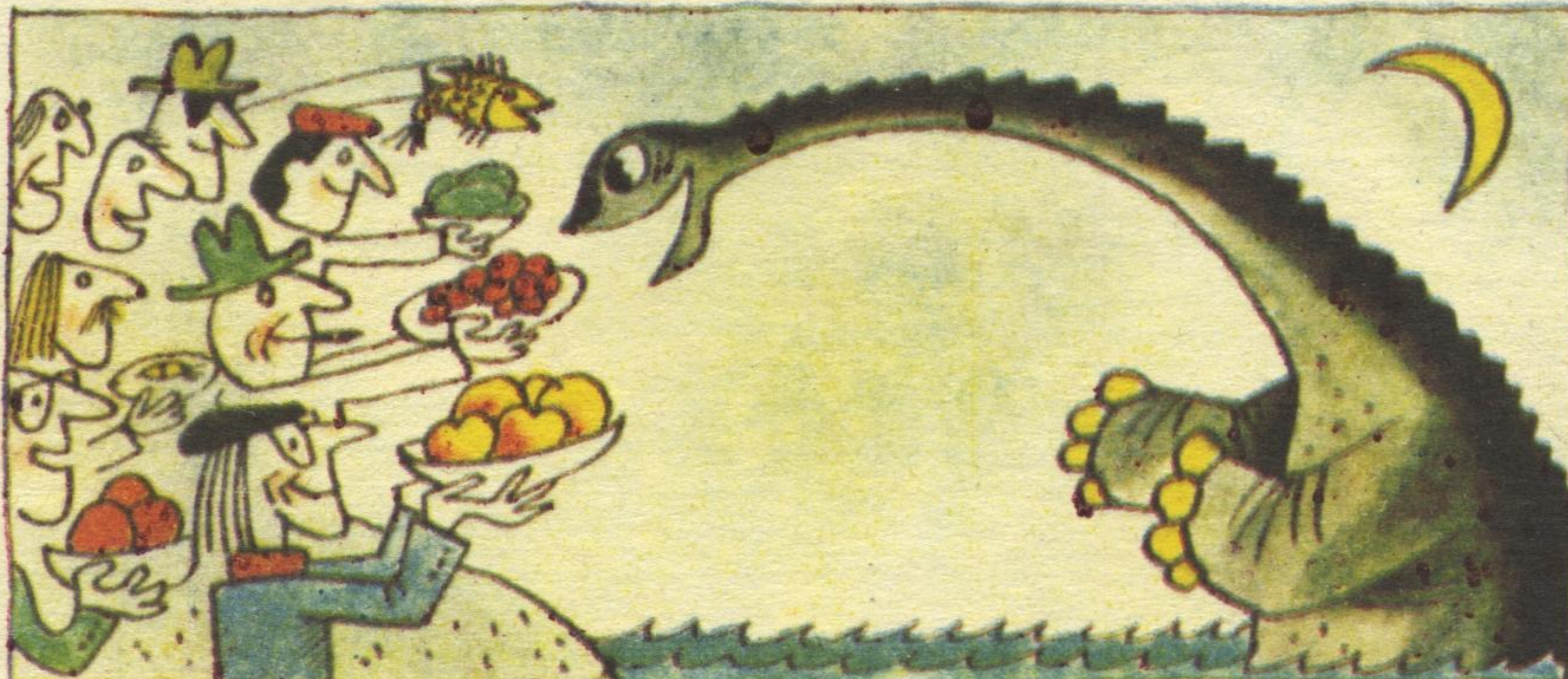

5. Вода раздалась, и из озера показалось чудовище.

— Вы совершенно правы, — сказала оно, — самая главная трудность для меня — еда. Между прочим, — стесняясь, добавило оно, — я бываю здесь каждую полночь...

6. В полночь профессор и его внук, захватив с собой корзину с рыбой и сладкий пирог, прокрались на берег озера.

7. Но там уже было полно народу: хозяева гостиниц, журналисты и ученые наперебой кормили диовинного гостя.

— Увы! Тайны, оказывается нужны не только тебе, — сказал профессор. — Идем, Ермолай, до Нового года осталось две минуты.

**С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!**